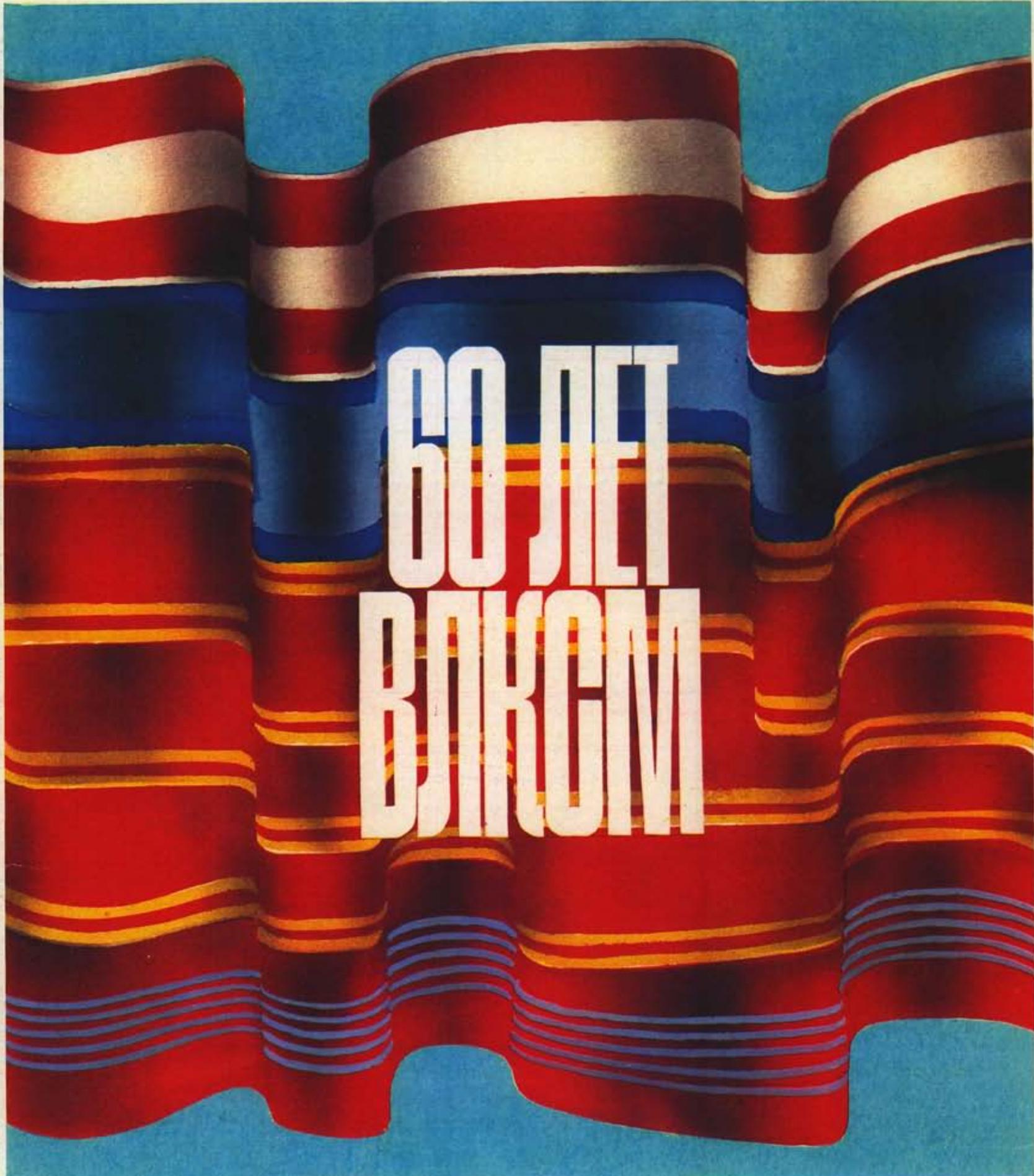

Смена

№ 20 ОКТЯБРЬ 1978

60 лет
ВЛКСМ

На листке календаря,
помеченному датой
«29 октября»,
волнующая цифра — 60!
Цифра, означающая возраст
вечно юного и вместе с тем
зрелого Ленинского
комсомола.

День рождения комсомола
вызывает у каждого
советского человека особые
чувства, ибо в нашей стране
мало найдется людей,
чья судьба в свои годы
не была бы связана
с комсомолом.

Каждое поколение,
пройдя его замечательную
школу, обрело высокие
гражданские и патриотические
качества, внесло свой
весомый вклад в развитие
страны. Во время
гражданской войны,
в период индустриализации
и коллективизации,
в годы Великой
Отечественной войны
и послевоенного
восстановительного периода,
в наши дни, наполненные
героическим трудом во имя
коммунизма,—

комсомол всегда на передних
рубежах созидания и борьбы,
там, куда направляет его
партия.

И где бы ни был,
что бы ни делал комсомол,
он постоянно учится у своих
старших товарищ-
коммунистов, перенимая
у них лучшие черты:
безграничную преданность
делу Ленина, чье имя более
полувека он гордо несет
на своем знамени, беззаветное
служение Родине, активность,
самоотверженность,
решительность...

На всех участках ударного
строительства десятой
пятилетки советское
юношество
с воодушевлением претворяет
в жизнь грандиозные
предначертания партии, внося
во всякое дело, как сказал
на XVIII съезде ВЛКСМ
Леонид Ильич Брежнев,
свой особый романтический
порыв

и молодую окрыленность.
Вот почему идеей и девизом
этого юбилейного номера
стало слово
«ОКРЫЛЕННОСТЬ».
Она проявляется молодежью
везде и всюду:
в труде и в учебе,
в науке и в искусстве,
в спорте и в воинской службе.
Материалы, помещенные
в этом номере,
и рассказывают
об окрыленных людях —
ветеранах комсомола
и наших замечательных
молодых современниках,
достойно продолжающих
великое дело отцов.

В ПОДНЫШ РОСТ

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

ПОЭМА

1

А нам эпоха подсказала:
«Надо!»
Мы с линии огня начнем рассказ:
Интернациональная бригада.
Идет бурение скважины сейчас.
Здесь — Комсомол.
Вот-вот фонтан взметнется!
И выложатся — верю — молодцы:
На буровой ребята-комсомольцы,
Нефтяники, монтажники — спецы!
Азербайджанцы, русские,
Туркмены,
Армяне и украинцы...—
Семья.
И среди них — виновница поэмы,
Студентка из Москвы,
Любовь моя.
В глазах — сверканье,
Вся огонь — девчонка,
С распахнутой летящей душой,
Вчерашняя студентка с русой челкой
Сегодня член бригады,
И какай!
Интернациональной!
Эта новость,
Внезапно поразившая меня,
Так сердце всколыхнула!
Окрыленность,
Да, это окрыленность,
Крылья дня!
Когда одной мечтою одержими,
Мы новым вдохновением полны.
И песни, получившие здесь имя,
Звучат и дружат с юностью страны.

...Припоминал, как я в Сибирь приехал,
К ее просторам прикипел душой,
А память песней становилась, эхом —
Летела над разбуженной тайгой:

«Посети меня, тревога
Журавлины стай!
Снова трудная дорога
Нас уводит вдали.
Снова — встречи и разлуки
И таежный след.
Над глухой речной излучкой
Вспыхнул дальний свет.
Свет высоких звезд —
Это дальний свет!
Юность в полный рост —
В восемнадцать лет!
Самотлора свет
И тайги прибой,
Белых яблонь цвет
И твоя любовь —
Это дальний свет,
Это дальний свет —
Мчит по рельсам

в даль

наших лет!..

Свет, не гасни над дорогой,
Отразись в реке.
Посиди, со мной, Эпоха,
У костра в тайге!
Посвяти меня ты в тайны
Судеб и планет,—
Чтоб светил и наш свет дальний
Через тысячи лет!»

Людей зовет далекая тайга,
Немыслимые топи да болота.
Здесь друга легче встретишь, чем врага,
Вражды не терпит тяжкая работа.
Путевка комсомола иль судьба,—
Что привело сюда нас, друг мой, что же?
Ты, может, ищешь самого себя
Иль минерал, что нам всего дороже?..
Кому-то снятся рощи и цветы.
Кому-то снятся речки и туманы.
А мне, Любовь, все чаще снишься ты
И жаркой нефти черные тюльпаны.

2

Под сводами небесного вокзала,
Ну, а точнее — в аэропорту,
Я помню, на прощанье ты сказала:
«Я улетаю, видишь, вот, на ТУ».
Туда,
Туда,
Где путь, как бег олений,
Где над костром горит твоя звезда,
Туда, где люди ищут вдохновенье,
Быть может, в исступлении труда.
Туда,
Туда,
Где яростно, прекрасно,
Где в зимнем небе — мерзлая луна,
Где, как в разведке, трудно и опасно,
И ты в тайге одна и не одна,
Когда нахлынут вдруг воспоминанья:
На комсомольском вечере стихи,
Они, как полустанки без названья,
Вдруг промелькнули в глубине тайги...
А что осталось?
Ты и я.
Реальность.
Аэропорт,
Где я твой взгляд ловлю.
И лишь когда качнулся крылами лайнер,
Я крикнул в небо:
Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!

3

Решительная,
С быстро походкой,
Вся радостью искрящейся полна,
Она была в работу влюблена...
У нас, в НИИ по нефтепереработкам,
Где проходила практику она,
Мы встретились...
Летели дни, недели,
Как листвы золотистые, летели...
Работы и любви промчался год.
Уже сданы экзамены.
И вот,
Как выпускница нефтеинститута,
Она в тюменский край лететь должна.
Есть в юности счастливая минута
Распределения —
Новизной она
И жаждою свершения полна...
Я помню, как ты бережно держала
Диплом...
Дул ветер в парках и садах,
Мы шли. Ты шаг невольно ускоряла,
Светилась мысль в задумчивых глазах.
...А рейс уж объявили, потому-то
С тобой стоял я в аэропорту,
Прощаясь... Миг... Еще одна минута...
И лайнер набирает высоту.

4

Безбрежный край, таежный край тюменский!
Моя душа исполнена огня,
И я живу в предчувствии поездки,
Что станет самой главной для меня.
И вот наедине с самим собою

Однажды окончательно решу,
Что я не только с первой любовью —
На встречу, может, с Будущим лечу...

Ну, а пока ты от меня вдали,
Тебя умчали солнечные наряды
Как будто бы на край иной земли:
Есть много точек на тюменской карте...
Я телеграмму жду.
Звонка жду в дверь.
Пока твой точный адрес неизвестен.
И мне без писем без твоих, поверь,
Так трудно жить.
И мир широкий — тесен.
Холст и подрамник с красками купить,
Нарисовать глаза черное нефти, стужу?!
Иль все забыть, одной работой жить
И не тревожить ожиданием душу?!
Но нет! Я одержимостью упрям.
Я телеграммы шлю и днем и ночью
В Тюмень, Тобольск, в Сургут, Нефтеюганск...
И вот ответ. И вот он, адрес точный!
И эта радость просится в строку:
В Сибирь мой путь! В Сургуте остановка!
Все. Решено! В глубинную тайгу
Не только еду по командировке,
А просто я не ехать не могу!

А по Москве метелила листва.
На Ленинских горах клен златоглавый
Уж догорал...
Шла к праздникам Москва.
Я вспоминал вновь вечер наш,
Тот,
Главный,
Твой ласковый, протяжный говорок...
А вслед нам улыбался Маяковский...
На кофточке твой, как уголек,
Горел значок,
Я помню,
Комсомольский.
Еще я помню тот пролет моста,
И взлет бровей и губ твоих волненье...
Курантов бой. Полночная Москва.
Минута торжества и вдохновенья.
...А самолет уже катил за бровку,
За горизонт...
И снова счастлив я.
Колола уголком командировка,
И улыбалась карточка твоя.

5

И вот в самолете, в салоне
Уже я о встрече мечтал.
Сосед мой, в себя погруженный,
Откинувшись в кресле, молчал
Почти что до самой Тюмени,
До самой тайги под крылом,
Что вынырнула вдруг тайменем,
Взмахнула голубым плавником.
Сосед занавески раздвинул
И выдохнул глухо:
«Тайга!»
И что-то блестящее выпнул.
«Вещица, — сказал, — дорога».

60-летию ВЛКСМ посвящается

Потом протянул острый камень,
Огнями сверкнувший с боков.
Сказал мне:
«Он дорог, как память,
Застывшее пламя веков...»
Он был инженер-изыскатель,
Нефтяник, тайги гражданин.
Я тихо промолвил: «Приятель,
Вы, что же, летите один?»
«Да нет,— мой сосед улыбался,—
Считай, что бригада нас тут.
А ты, коль в тайге оказался,
Давай приезжай на Сургут!
Оформим тебя мы, как надо.
Солидная фирма у нас.
А в целом мы интербригада,
И главный наш шеф — НЕФТЕГАЗ!»
Я сразу подумал, он шутит.
Но— взгляд обожгающих глаз!
«Ну, что ж,— улыбаюсь,— в Сургуте
Мы свидимся, может, не раз!
В Сургут я лечу...»
Под крылами
Вовсю размахнулась Сибирь.
И он протянул мне свой камень:
«Возьми, как-никак сувенир...»

Столетий застывшее пламя,
Мерцающее, как звезда...
И думал я, глядя на камень,
О людях.
О людях Труда.
По жизни —
Сибирскому тракту,
Сквозь снег и мороз, в гололед —
Таежный сибирский характер
К большой своей цели идет.
Идет напролом, коли надо,
Идет и в обход, коль в том прок.
Сибирский характер — громада,
Сибирский характер — поток.
Сметая в пути буреломы,
На топях дома возводя,
Крутой, неуемный, огромный,
В делах справедливый всегда.
И здесь — коммунисты!
Все силы —
Земле, их взрастившей, весь труд!
Идут в глубь и в ширь по России,
Державной походкой идут.
И ты среди них.
Ты на равных,
Большой,
Комсомольский народ.
В котором все тот же характер —
На бруствер Эпохи!
И вот —
Снег, вспыхнув, осыпается с веток,
Поднимется солнечный шар.
В передних рядах пятилеток
Стоит он,
Тайги комиссар!
И нету в потоке затора,
И труд горчит нашу кровь.
И сердце стучит Самотлора.
Сургутская плещется Новь!

Дружнее кипит работа —
Свичицанье свечей!
И «куст» в глубину уходит
Сталью своих корней.
Бурмистер сегодня весел,
«Ходко идем!» — басит.
Протяжный таежный ветер
В елях глухих шумит.
Ладони уже задубели,
Не отстаю от парней —
Люди взрослеют в деле,
В Сибири — еще быстрей.
Стыкуем с квадратом трубы,
Под вечер дышать тяжелей,
Но улыбаются губы —
В тайге от улыбок светлей!

6
Черная нефть мне снится,
Мне ее в песнях воспеть.
Черная нефть струится,
Черная, черная нефть.

Землю скребут норд-осты.
Плещет тайги прибой.
И ощущают ноздри
Запах ее живой.

Нефть — это ярость цвета,
Ветра напор у виска.
Нефть — голубая ракета,
Рвущая облака!

Это работа в три смены.
Нефть — это наша любовь.
Черная нефть священна
Так же, как красная кровь.

Славлю ее приливы.

Черная нефть, нагрянь
Ливнем невиданной силы
В эту таежную рану!

К солнцу — фонтаны и флаги!

Люди сильны и горды.
Вижу я вас, работяги,
У Самотлорской гряды.

Нефтью забрызганы лица —
Душам и взглядам яснет!..
Черная нефть мне снится,
Черная, черная нефть.

7

Любимая!

Я счастлив.
Наша радость
Пускай летит до самых дальних звезд...
Интернациональная бригада,
Где ты и я, и вышки в полный рост!
Стал близким свет далекий!

Я стремился

Не зря сюда. Я встретился с тобой
И здесь в Сибирь, в людей ее влюбился,
К ее просторам прокипел душой.
Вот мы идем тайгой...
Твой взгляд лучится.
А рядом с нами — верные друзья.
Забрызганные нефтью руки, лица.
Большая комсомольская семья!
Большая огнедышащая Тема.
Огромный край с великою судьбой...
И с песней перекликнулась поэма —
От буровой до новой буровой:

«Дремлют в дымке мокрые стога.
Звездопад пошел гулять в луга.
Месяц, словно стрелочник, встает.
Там, за синей сопкой, поворот.

А за поворотом —

Снова поворот!
Кто-то ждет кого-то,
Очень верно ждет.
Кто-то ждет кого-то,
Версты торопя.

Там, за поворотом,

Встретил я тебя!

В добный час! — сказала жизнь вдогон.
Уплывает медленно перрон.
И девочка — восемнадцать лет —
Веткой кому-то машет вслед.

Журавли трубят,
Как поезда.
Кто-то скажет «нет»,
А кто-то — «да».
И опять кого-то позовет
За собою новый поворот!»

И потому, пускаясь в новый путь,
Будь крепок духом, к подвигу готовясь.
Пускай твой трудный жизненный маршрут
Прочтут потомки, как большую повесть.
И я, в земные веря чудеса,
Не только рядом с девушкой любимой —
Со мною рядом смелые глаза
Моих друзей по жизни,
Побратимов.

Мы здесь идем по-топям и лесам —

Работаем.

А тот граненый камень
В янтарных бликах,
С солнцем пополам, —
Подарок друга, —

Я храню, как память.

В нем тайна и тревожный блеск огня,
Сокрытого на глубине до срока.
Мерцающими гранями мания,
Он мне напомнит о путях-дорогах.
И вспыхнет снова свет высоких звезд...

«Так надо!» —

Нам Эпоха подсказала.
Судьбой Путевка Комсомола стала,
Ребята с веком
Встали в полный рост!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 20 (1234) ОКТЯБРЬ 1978

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
60 ЛЕТ ВЛКСМ.

Плакат работы
художника
Олега БЕЗУХОВА.

- 1 60-ЛЕТИЮ ВЛКСМ ПОСВЯЩАЕТСЯ.
Поэма Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО «В ПОЛНЫЙ РОСТ».

- 2 Александр ЖАРОВ. «ОКРЫЛЕННОСТЬ».

- 4 УРОКИ ЖИЗНИ. «ПОРА ИТОГОВ, ПОРА НАЧАЛА».
Диалог генерального директора Котласского целлюлозно-бумажного комбината Александра Александровича ДЫБЦЫНА и электромонтера Александра РУШАКОВА.

- 6 Ян КРУТА, Иван ВЛАДИН. «КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗНАЧОК НА ГРУДИ У СИБИРИ».

8, 14, 19 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

- 9 АВТОБИОГРАФИИ.
Летчик-космонавт СССР Петр КЛИМУК.
«НЕ ГЛЯДЯ НА ЧАСЫ».

- 12 Владислав ЯНЕЛИС. «НАСЫПЬ».

- 15 Виктор ТИХОНОВ, заслуженный тренер СССР «СТАРТ БЕЗ ФИНИША».

- 18 Николай ХОХЛОВ. «ОТЗВУК СЕРДЦА И УМА».

- 20 Андрей ПОЗДНЯЕВ. «УРОКИ МУЗЫКИ».

- 22 Валентин СВИНИННИКОВ. «В ГЛУБИНЫ ПАМЯТИ НАРОДНОЙ». Размышления о поэзии лауреата премии Ленинского комсомола Валентина СОРОКИНА.

- 24 Рассказ Сергея ЗАПЛАВНОГО «СОЛНЦЕМ ОСВЕЩЕННЫЙ».

- 27 ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».

- 28 Фантастический роман Александра и Сергея АБРАМОВЫХ «ВРЕМЯ ПРОТИВ ВРЕМЕНИ».

- 32 «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ».
Фотоконкурс «Смены».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Издательство «Правда», «Смена». 1978 г.

смена 1

В ЦЕЛОМ КОММУНИСТЫ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ МОГУТ, Я ДУМАЮ,
БЫТЬ ДОВОЛЬНЫ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ НАШИХ ДНЕЙ.
ОНА РАСТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКИ УБЕЖДЕННОЙ, ГЛУБОКО
ПРЕДАННОЙ ДЕЛУ ПАРТИИ, ДЕЛУ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА.
МИЛЛИОНЫ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ПОКАЗЫВАЮТ ОБРАЗЦЫ
МУЖЕСТВА, СТОЙКОСТИ, ВЕРНОСТИ ИДЕАЛАМ ОКТЯБРЯ.
С БОЛЬШИМ ЭНТУЗИАЗМОМ ОНИ РАБОТАЮТ ВСЮДУ, ГДЕ ПРОХОДИТ
ФРОНТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА, АКТИВНО БОРЮТСЯ
ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ НАПРЯЖЕННЫХ ПЛАНОВ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ.
ВО ВСЯКОЕ ДЕЛО ОНИ ВНОСЯТ СВОЙ ОСОБЫЙ РОМАНТИЧЕСКИЙ
ПОРЫВ И, Я БЫ СКАЗАЛ, МОЛОДУЮ ОКРЫЛЕННОСТЬ.

Л. И. БРЕЖНЕВ

И вот он наступил—светлый и радостный праздник советской молодежи—трудолюбивых и самоотверженных строителей коммунизма, достойных продолжателей дела отцов.

Праздник 60-летия Ленинского комсомола.

Из десятилетия в десятилетие живет и передается, как святыни, революционная преемственность поколений. И потому 60-летний юбилей ВЛКСМ—

Как один, плечом к плечу, поднялись они, посланцы бесчисленных фронтов революции, со своих мест, услышав объявление об открытии съезда. Стодевяносто пять голосов слились в единое целое, когда торжественно зазвучала мелодия пролетарского гимна. Казалось, раздалились стены Дома съездов Наркомпроса, вместив все двадцать две тысячи молодых членов союза, пославших на съезд своих представителей. Те двадцать две тысячи, волю которых суждено было выполнить этим

ленно иди и запиши. Член Российской Коммунистического Союза Молодежи должен с оружием в руках защищать дело революции».

«Вместе с комсомольским билетом мы получали ружье и 200 патронов»,—так писал, вспоминая те огненные годы, Николай Островский. И шли в колоннах РКСМ тысячи бойцов нового мира, одлевая голод, холод и разруху, закаляя себя в битвах за революцию.

Им было неимоверно трудно. Но они были счастливы. Потому что знали, за

Оттого что юнцами несли на плече Серп и молот на цветущем кружке.

30-е годы. Время ускоряло темп жизни нашей страны, выдвигало все новые и новые задачи. Выполняя заветы великого Ленина, советская молодежь вместе со всем народом проходила школу ударного строительства, начатого с предыдущего десятилетия.

Пятилетки Первая, за ней—вторая... Десятки тысяч молодых добровольцев пришли в те годы на стройки социали-

Александр ЖАРОВ,
поэт, делегат III и VI
съездов комсомола.

ОКРЫЛИ

парням и девчачатам, впервые в истории создав массовую революционную юношескую организацию нового типа—Российский Коммунистический Союз Молодежи. Союз—пролетарский по своей классовой природе, интернационалистский по характеру и составу рядов, коммунистический по целям, задачам и политической платформе, организационно самостоятельный, самодеятельный по формам и методам работы.

Отныне Российская организация молодежи, так же, как и партия, стала называться Коммунистической. Дав своему союзу такое имя, молодежь страны тем самым обязалась бороться за идеалы и цели большевистской партии, быть настоящими коммунистами—ленинцами.

Владимир Ильин не смог присутствовать на съезде. Болезнь помешала выступить перед делегатами и Надеждой Константиновне. Но Ленин после окончания работы съезда пригласил в Кремль членов его президиума, чтобы услышать от них рассказ о проделанной работе. Участники этой задушевной беседы вспоминали, как глубоко интересовался Ильин делами, заботами и чаяниями молодого поколения, как он под конец беседы, когда зашел разговор о названии Союза, сказал присутствовавшим:

— Дело не в названии, а в том, чтобы действовать по-коммунистически, быть на деле коммунистами...

Счастливые, возбужденные, точно окрыленные, вышли из Кремля делегаты съезда. У каждого в сердце еще звучали слова вождя: «Быть на деле коммунистами». Окрыленность от встречи, от этих слов осталась в них прочно, на всегда, на всю жизнь. А жизнь начиналась интенсивнейшая. Впереди были дороги сражений, труда, учебы... Впереди была вся история комсомола.

1919 год. На улицах городов и сел—плакаты:

— Товарищи! Ты записался добровольцем в Красную Армию? Если нет, немед-

что сражаются. Потому что главными чертами комсомольцев корчагинского поколения, как вспоминает один из его представителей—Федор Александрович Топорков, были «дружба, единодушие, беззаветная преданность Коммунистической партии, страстная ленинская убежденность в правоте нашего дела».

1920 год. Еще не отгремели последние залпы гражданской войны, а из уст В. И. Ленина уже прозвучал исторический призыв к молодежи страны: учиться коммунизму! В речи на III съезде РКСМ он призвал комсомольцев быть первыми среди миллионов строителей коммунистического общества, накапливать знания, использовать все наиболее ценное из сокровищницы мировой цивилизации и культуры, умело сочетать каждый шаг обучения и образования с участием в общественно полезном труде рабочих и крестьян. Именно в таком органическом сочетании труда и учебы, основанных на высокосознательной дисциплине, Ленин видел существо коммунистического воспитания молодежи. «Союз коммунистической молодежи,— говорил он,— должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин».

Им, 15—16-летним, революция давала самые сложные поручения. И они, не жалея себя, всецело отдавались общему делу. С комсомольской страстью они работали в шахтах и на заготовке дров для паровозов, на добыче торфяника для строящихся электростанций и на «неделях крестьянин», а вечерами учились в школах и политехнических училищах.

Самоотверженность—это характеристика поколения комсомольцев того времени, о котором Владимир Луговской напишет:

Как нас в жизни трепало,
мотало, жело!
Раньше тридцать бы жизней
в такую вошло,

стической индустрии, отправились в деревню, где началась колхозизация сельского хозяйства. «Мы рождены, чтобы сказку сделать былью»,— вели они, убежденные в своем высоком предназначении. Для них, земледельцев коммунистических субботников, молодых передовиков первых пятилеток, ударный труд стал нормой «работы переволюционному», а характерной чертой, источником их творческого энтузиазма были сознательность, идеяность и горячее стремление трудиться на самых важных участках строительства новой жизни.

«Для одних это была авиация, для других армия, для третьих—новостройки первых пятилеток, для четвертых—суровые просторы Арктики. И все они завидовали тем, кто оказался на переднем крае. Надо было буквально убеждать комсомольцев работать где-то в теплом, благоустроенном месте. Каждый чувствовал себя обиженным, если не полярную зимовку или на таежную стройку посыпали на него. Быть молодым—значило быть в первых рядах»,—вспоминает о тех годах один из первых советских полярников, ныне академик, Герой Советского Союза Евгений Федоров.

И поднялись Днепрогресс и Магнитка, Турист и Кузнецк, Горьковский автомобильный и Московский шарикоподшипниковый, Сталинградский и Харьковский тракторные, Комсомольск-на-Амуре.

1941 год. «Вставай, страна огромная, вставай на смартный бой»—призывающе звучали слова величественной патриотической песни. И наша необъятная страна, все советские люди поднялись на священную Отечественную войну.

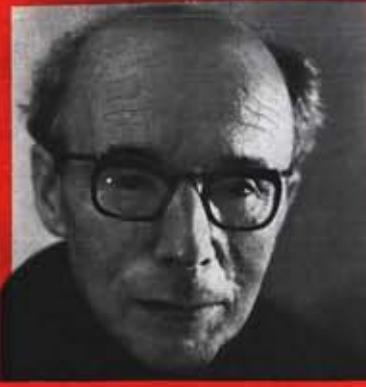
Были строки из решения комсомольского собрания зенитной батареи:

— 1. Не сдадим занимаемой высоты, преградим фашистам путь к Севастополю.

2. Комсомольцы в трудный момент боя

ОКРЫЛЕННОСТЬ — ЭТО САМООТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД НА БЛАГО РОДИНЫ, НА БЛАГО НАРОДА.

КОМСОМОЛ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Александр БАС-ДУБОВ,
делегат I съезда РКСМ,
конструктор, дважды лауреат
Государственной премии
СССР.

В апреле 1917 года в городе Рославле, Смоленской губернии, рабочие большевики Носов и Конопацкий на одном из митингов объявили прием в партию. Записался и я, в то время гимназист седьмого класса. Это было не случайностью, не минутным порывом, а логическое продолжение традиций нашей семьи: мой дядя принимал участие еще в революции 1905 года; дом моей матери был ячейком местом забастовщиков. Я прочел немало марксистской литературы и уже в пятом классе вступил в подпольный ученический кружок.

Однажды в газете «Новая жизнь» я прочел, что в Петрограде создан Союз социалистической молодежи имени III Интернационала. Заинтересовался, написал в газету, и мне прислали устав и программу. И вскоре — было это еще летом 1917 года — организовал в городе молодежную ячейку. Вошли в нее члены бывшего подпольного ученического кружка и несколько молодых рабочих. Первое время занимались в основном самообразованием, политэкономией. Через год после Октября партия поручила мне вновь заняться молодежной организацией.

На общегородском митинге мы с товарищами рассказали о больших задачах и программе союза и здесь же записали в него около пятидесяти человек. А буквально на следующий день отправились по уезду. Во всех селах и на стекольных заводах удалось создать первичные ячейки, так что к нашему возвращению в Рославль уездная организация насчитывала уже пятьсот человек.

Как раз в это время пришло приглашение в Москву на I съезд РКСМ. Поехали втроем — я, рабочие Сурайло и Родин. Первый съезд стал для нас первой комсомольской школой, где мы вместе с представителями молодежи всей России вырабатывали стратегию и тактику дальнейшей работы... Вернувшись со съезда, я стал секретарем уездного комитета партии. Но недолго. Фронт требовал помочи, и когда мне пришлось заниматься мобилизацией, то звонко мобилизовал и себя. С отрядом комсомольцев и коммунистов ушел рядовым стрелком на колчаковский фронт, потом воевал против Врангеля, Махно...

Шесть десятилетий прошло... И сегодня видно: главным для комсомола всегда были энтузиазм, инициатива, творчество. Чувство окрыленности закладывалось в те незабываемые годы и обрело новые замечательные грани в наши дни.

УРОКИ ЖИЗНИ

А. РУШАКОВ. Александр Александрович, вы, можно сказать, ровесник комсомола, а комсомольский билет вам, если не ошибаюсь, вручали в годы первой пятилетки.

А. ДЫБЦЫН. Верно, это было в начале тридцатых годов, когда я учился в Свердловском энергетическом техникуме. Из истории вы знаете, чем отмечены те годы: это начало Магнитки, Челябинского тракторного, «Уралмаша». Мы, студенты, полгода занимались учебой, полгода работали на стройках. Первую трудовую практику я проходил на Челябинской электростанции; а потом по решению обкома партии начала строиться КизильГРЭС, и мне довелось участвовать в монтаже самой первой отечественной турбины мощностью 50 тысяч киловатт.

А. РУШАКОВ. В этом отношении наши биографии схожи: и у меня все начиналось с техникума, с монтажа оборудования на ТЭЦ-1 нашего комбината.

А. ДЫБЦЫН. Что ж, быть и вам директором... Комсомольцы в пору моей юности иногда называли «легкой кавалерией», наверное, за мобильность, постоянную готовность к действию. В тридцать втором были мы на практике в Нижнем Тагиле. В рабочие дни, а подчас и ночи, если вызывали на авария, строили металлургический комбинат, закладывали Уралвагонзавод... По решению обкома комсомола отработали по две недели на строительстве Уралмашзавода.

А. РУШАКОВ. Я читал, что как раз в тридцатые годы бюро Северного крайкома партии приняло специальное постановление о строительстве Котласского комбината. Вы, наверное, не предполагали, что со временем станете его директором? Кстати, как вы из энергетика «переквалифицировались» в бумажника?

А. ДЫБЦЫН. Ну, энергетика — основа любой промышленности, и в ней не грех разбираться каждому руководителю... А конкретнее: поработав на ряде предприятий Урала техником, главным инженером, директором завода в Туринске, остро почувствовал нехватку знаний и снова стал студентом — на сей раз Уральского лесотехнического института. Вы ведь тоже в лесотехническом на вечернем отделении учитесь?

А. РУШАКОВ. За второй курс без троек сдал.

А. ДЫБЦЫН. А потом судьба меня на Север забросила. Был директором Архангельского комбината, и вот уже более десяти лет — Котласского. Первую продукцию он выдал в октябре 1961 года, и тогда же началось строительство второй очереди. Объявленная Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, вторая очередь возводилась вдвое быстрее. А не так давно вступила в строй и третья очередь: суперфлот-целлюлозный завод, на котором вы, Саша, работаете...

А. РУШАКОВ. Он как раз достраивался, когда я вернулся на комбинат после армии.

А. ДЫБЦЫН. Значит, вам еще до пуска пришлось на нем поработать?

А. РУШАКОВ. Еще бы! Я ведь монтировал электрооборудование, без которого мертвя главная машина завода — пресспакт. Техника была незнакомая, уникальная.

А. ДЫБЦЫН. Уточним: есть три таких завода — в Братске, Архангельске и у нас. Братский завод пускали раньше, и это помогло нам избежать многих ошибок при освоении: наши рабочие и инженеры ездили в Сибирь перенимать опыт. Несколько лет назад был заключен договор о соревновании и взаимопомощи шести гигантам отрасли: Котласского, Архангельского, Сегежского, Соломбалского целлюлозно-бумажных комбинатов, Сыктывкарского и Братского лесопромышленных комплексов. Сибирики щедро отдавали нам свои знания, опыт, демонстрировали особенности технологии, сильные и слабые стороны техники.

А. РУШАКОВ. А после этого опыт мы сами передавали в Архангельске — ведь там завод стал работать позже. Лучших рабочих направляли соседям, когда

они осваивали отбелку целлюлозы, у себя архангельцев принимали.

А. ДЫБЦЫН. Да. Но техника техникой, а главная трудность заключалась для нас, пожалуй, не в ней. Набрать две тысячи рабочих на новое производство — где? Обучить всех — когда? Сроки прижимали. Мы решили не просить, не «ставить вопрос» перед министерством, а применить у себя щекинский метод. Нельзя сказать, что это была легкая работа. Во-первых, необходимо было преодолеть инерцию некоторых руководителей, привыкших считать «незаменимыми» свои кадры, разъяснить значение метода всем рабочим. Во-вторых, щекинский метод нельзя внедрить одними административными мерами: скажем, объявить рабочему, что отныне он будет обслуживать и сеточную и сушильную часть бумажницы. Он мог просто ответить, что незнаком со второй специальностью. И не за счет увеличения нагрузки мы хотели внедрить совмещение профессий, расширение зон обслуживания. Щекинский метод прежде всего предполагает улучшение организации и условий труда, техническое обучение. Если четко отработана технология, хорошо подготовленному человеку нетрудно обслужить сразу два пульта управления. Тем более это неплохо стимулируется: чем больше смежных профессий у рабочего, тем выше его разряд. И зарплата, естественно, тоже — от десяти до тридцати процентов.

В итоге нам удалось за счет действующего производства высвободить для третьей очереди больше тысячи человек! Производительность труда при этом возросла почти вдвое.

А. РУШАКОВ. Помню, на наш завод даже конкурс был. Многим хотелось поработать на новой технике, но решили направлять только лучших. На собраниях, партийных и комсомольских, кандидатуры обсуждались... Знаете, Александр Александрович, я убежден, что главное даже не в дополнительно «найденной» тысяче рабочих рук, а в том, что на завод пришел готовый рабочий коллектив.

А. ДЫБЦЫН. Добавлю — опытный коллектив.

А. РУШАКОВ. Я не случайно об этом заговорил. Есть у меня к вам вопрос, может быть, не очень приятный. Скажите, почему же так получается: и техника новая и коллектив опытный, а стабильности в работе нет? В иные месяцы выходим на проектную мощность, но долго удержаться на этой высоте не можем, и план производства беленой сульфатной целлюлозы «горит».

А. ДЫБЦЫН. Да, вопрос сложный. Освоение мощностей нашего завода — это сегодня самое важное и трудное дело всего комбината. Вы, Саша, постоянно на производстве и наверняка знаете, что до последнего времени у нас случались и аварии и остановки пресспакта...

А. РУШАКОВ. Однажды «полетела» шестерня редуктора. Запасной нет. Ребята на ремзаводе двое суток бились: это же не велосипедная шестеренка, а полуторатонная машина. Пока сняли, выточили, заменили... Во что это обошлось? Всего один час простоя — 30 тонн целлюлозы. А тут — двое суток! В чем же причина кроется?

А. ДЫБЦЫН. Мы первые среди трех аналогичных заводов вплотную приблизились к проектной отметке. Именно на этом этапе, как показывает практика, чаще всего случаются разные неожиданности, выявляются конструктивные недоработки, слабые узлы и так далее. Помните: отбелочный цех вначале хорошо пошел, но при наращивании темпов выяснилась слабость насосов высокой концентрации. Эти насосы мы переделывали своими силами и переделали неплохо.

Второе. Мы стали пионерами варки целлюлозы только из «листвы» — смеси осины и березы. Но у щепы из этих деревьев разные свойства, поэтому нужно точно соблюдать их процентное соотношение. Вам на выгрузке древесины бывать приходилось?

А. РУШАКОВ. Конечно.

А. ДЫБЦЫН. Вы видели, что леспромхозы отгружают нам лес без подсортировки, часто плохого качества. Наша же лесобиржа не рассчитана на сортировку древесины.

А. РУШАКОВ. Значит, тупик?

А. ДЫБЦЫН. Нет, наши инженеры вместе с учеными сейчас решают эту проблему. А у меня к вам встречный вопрос. Качество нашей работы зависит не от узкого круга специалистов. Комбинат расширяется, управлять им стало труднее, поэтому необходимо, чтобы на каждом рабочем месте стоял не механический исполнитель, а человек творческий, инициативный, дисциплинированный. Я думаю, неверно было бы ожидать, пока ученые решат ту же проблему варки, пока лесники станут присыпать только лучший лес, пока машиностроители полностью обеспечат нас запчастями. Если двенадцать тысяч работников комбината сложат руки будут ждать идеальных условий — дескать, вот тогда мы покажем, как надо работать, — ничего хорошего, Саша, из этого не выйдет. При освоении второй очереди комбината было не меньше трудностей, но мы справились с ними почти

без посторонней помощи, превзошли проектные мощности. Я хочу сказать, что чьи-то чужие недоработки никогда не оправдают наших собственных. Сегодня, сейчас делать все возможное — это и к комсомольской организации комбината относится и к каждому комсомольцу в отдельности. Вы согласны?

А. РУШАКОВ. Конечно. Именно поэтому мы решили комсомольскую вахту, которая была посвящена 60-летию Октября, продлить до 60-летия Ленинского комсомола.

**Александр Александрович
ДЫБЦЫН,
генеральный
директор
Котласского
ордена Трудового
Красного Знамени
целлюлозно-бумажного
комбината
имени 50-летия ВЛКСМ,
Герой Социалистического
Труда.**

**Александр РУШАКОВ,
электромонтер,
секретарь комсомольской
организации
сульфат-целлюлозного
завода.**

ПОРА ИТОГОВ, ПОРА НАЧАЛ

А. ДЫБЦЫН. Эта вахта совпала с трудным периодом в жизни комбината. И вот вам наглядный пример действенности комсомольской инициативы: оживилось соревнование, дисциплина стала строже. Я к тому, что в наш век НТР такие «абстрактные» вещи, как инициатива, трудовой энтузиазм, обладают большой силой. Техника техникой, но нам важно и то, с каким настроением люди на ней работают. Один и тот же труд может окрылять человека, но может и оставлять равнодушным — если нет за ним идеи, а есть только платежная ведомость. А равнодущие к своему делу — для нас еще больший враг, чем технические трудности.

А. РУШАКОВ. Наш комитет разработал и новую систему соревнования комсомольско-молодежных коллективов. Итоги теперь подводятся по трем группам профессий — это позволяет точнее определять победителей, открывать дорогу тем, кто числился в середняках, усиливает заинтересованность в конечных результатах труда. Когда мы вплотную познакомились со щекинским методом, поняли еще одну важную вещь: нельзя считать победителем того, кто живет интересами только своего участка, цеха. Вот у нас однажды возникла такая проблема. Картонно-бумажное производство поставляло нам упаковку для целлюлозы. По «валу» у них все в порядке было, а в смысле качества — точнее, показателям картона по влажности — упаковка не годилась. Упаковщица Валя Шмелева, член поста качества, обратилась тогда к комсомольцам-«картонщикам». Они, видимо, сделали выводы. Но частично. По плотности упаковка еще долго поступала неважная. Взаимная ответственность смежников должна начинаться внутри предприятия. Совмещение смежных профессий помогает повысить эту ответственность: зная на собственном опыте, что происходит впереди и позади него по потоку, рабочий иначе — строже — относится и к своим прямым обязанностям.

А. ДЫБЦЫН. Брак в работе, Саша, в данной ситуации не по злому умыслу, он по неумению случается. До этого года у нас не было своего ПТУ, и готовили людей прямо на рабочих местах. При такой системе неизбежны проблемы, особенно в теоретической части подготовки. Хотелось бы, чтобы комсомол уже сейчас установил тесную связь с «новорожденным» училищем, помогал мастерам и преподавателям готовить кадры завтрашнего дня.

А. РУШАКОВ. Это наша прямая обязанность.

А. ДЫБЦЫН. Я хотел бы несколько продолжить

мысль об учебе, поскольку она касается не только учеников ПТУ. Учиться необходимо всем: мне, и вам, и любому рабочему. Перед нами сейчас трудная задача — стабильный выход завода на проектную мощность. Она требует полной отдачи от каждого — от рабочего до директора. Тем более что проектная мощность — понятие относительное. Превышение проектных отметок — процесс объективный и обязательный: идет время, появляются новые идеи, новая техника. У нас сейчас на рабочих должностях трудит-

ные письма, посыпаем телеграммы в разные инстанции, да не всегда добиваемся требуемого. То, что вы принесете мне акт о нехватке вагонов, еще полдела. Железная дорога комбинату не подчинена. А попробуйте связаться по своей линии с комсомольскими организациями смежников, заключите договор о соревновании. Пусть они хотя бы тщательно проверят состояние вагонов — тоже польза немалая. Я слышал, в комитете комсомола уже думали о том, как расширить «сферу своего влияния», но практических действий что-то не видно. Между тем авторитет комсомольской организации заключается именно в умении довести дело до конца.

А. РУШАКОВ. Мне кажется, для этого у нас с вами должны быть более тесные контакты. Не так давно делегация нашего комбината ездила на Братский лесопромышленный комплекс подводить итоги соревнования шести предприятий. Первое место завоевали мы, но вот по части соревнования комсомольских организаций дела в Братске, пожалуй, получше. Товарищи, которые туда ездили, рассказывают, что в Братске очень тесна связь между цеховыми комсомольскими организациями и администрацией.

А. ДЫБЦЫН. Вы считаете, у нас иначе?

А. РУШАКОВ. Пока я на свою администрацию не обижал, но бывало и взаимное непонимание.

Я начинал работу дежурным электриком в комсомольско-молодежной смене. Очень мы сразу сдружились. Если обрыв на машине, все сообща кидались помогать машинисту заправить полотно; мы первые стали выполнять сменную норму по выпуску целлюлозы, первые завоевали знамя среди молодежных коллективов комбината. А потом... потом началось что-то странное. За полтора года в смене поменялось шесть или семь мастеров. Конечно, каждый нес свои требования, свой стиль работы. И смена, задержанная чехардой с мастерами, явно сдала позиции по производству, по дисциплине. Конфликт случился тогда, когда группа девушек с участка упаковки в неположенное время ушла на обед. Новый мастер написал докладную. В результате решили «сократить» двух девушек, одна из них комсорг. Я стал доказывать, что наказание чрезмерно, что вина не только в девушках, но и в условиях работы. Много было неприятных разговоров. Договорились до того, что на планерке у начальника цеха кто-то сказал: Рушаков, мол, ложный авторитет зарабатывает, нарушителей защищает... Если мы во внутренних делах не всегда встречаем поддержку, то трудно говорить о каких-то крупных акциях. Вроде частный случай, но поучительный: охотно организуем молодежные коллективы — и не всегда заботимся об их сохранении; без согласия комитета комсомола переводят людей в другие смены... От невнимания и люди теряют интерес к нуждам производства, коллектива.

А. ДЫБЦЫН. До меня эта история не доходила... А в комитете комсомола вы обращались?

А. РУШАКОВ. Конечно. Мне сказали: считаешь нужным — дерись до конца.

А. ДЫБЦЫН. И как же, удалось доказать свое?

А. РУШАКОВ. Наполовину. Одну девушку оставили, другая перешла в лабораторию. Знаете, я потом с ней встречался, расспрашивал. Хуже всего, что она сама о своем переходе не жалеет.

А. ДЫБЦЫН. Конфликты, Саша, к сожалению, случаются. В таких случаях важно твердо отстаивать свою позицию. Мне нравится, что вы так и поступали. Но есть в конфликте, о котором вы рассказали, и другая проблема — дисциплина. Нарушение все-таки было? Ваш завод не имеет себе равных по мощности, поэтому каждый сбой в производстве оплачивается дорогой ценой, вы сами об этом говорили. Намного возросла личная ответственность каждого работника, острее обозначилась проблема дисциплины.

Укреплять ее — вот еще одно чрезвычайно важное поле деятельности для комсомола.

А. РУШАКОВ. Мы об этом помним. Как вы знаете, второй год рабочие комбината берут обязательства по коллективной моральной и материальной ответственности, а зародилось это новшество на нашем заводе. Напомню текст обязательств бригад, смен: «Мы, члены коллектива, берем обязательство жить и работать без нарушений дисциплины и общественного порядка. В случае прогула или другого нарушения членами нашего коллектива, мы отказываемся от премии по месячным результатам работы». Многие подписывают обязательство. Но иногда я слышу возражения такого порядка: дескать, в нашей бригаде и так нарушений не бывает, а если мы подпишем — то вроде признаем, что и у нас прогулы возможны.

А. ДЫБЦЫН. Такое обязательство — очень тонкий воспитательный «инструмент», и пользоваться им надо крайне осторожно. Никакого наажима, принуждения! Из двенадцати тысяч работников пока взяли это обязательство лишь две с половиной тысячи, зато мы знаем, что сделали они это по добруму согласию. И еще учите: бригадам, взявшим и выполнившим обя-

зательство, годовая премия увеличивается на десять процентов.

Мы начинали вводить новшество на тех участках, где дисциплина хромает, но не вижу ничего худого в том, чтобы и лучшие коллективы документально подтвердили свою репутацию. Не могу согласиться, что тут есть что-то обидное. В эти юбилейные дни мы отмечаем еще одну дату—двадцатилетие движения за коммунистическое отношение к труду. Обязательства о коллективной ответственности—логичное развитие этого движения.

А. РУШАКОВ. Строго исполнять свои обязанности—это сегодня мало. Вот что еще меня, Александр Александрович, тревожит... Разве это правильно, что молодой инженер может работать, совершившись не внося рапределений? Или то, что молодой рабочий не в ладах с техникой, экономикой, а от учебы старательно увиливает? За три года работы комсомольским секретарем я с разными людьми сталкивался, и, признаюсь, подчас терялся, слыша такие заявления: а зачем я буду обременять себя дополнительными общественными обязанностями, если от этого мне никаких преимуществ в сравнении с другими? И отдает такой комсомолец комбинату только тот минимум, что положен по службе.

А. ДЫБЦЫН. А когда это комсомолец имел какие-либо привилегии? Дополнительные обязанности—да. Другое дело, чтобы эти обязанности становились не тяжкой мукой, а внутренней потребностью. Я не буду вам рассказывать, как работали комсомольцы тридцатых годов. Мы начинали фактически с нуля—вы приходите на развитое производство, у вас совсем иные сложности. Но раз изменились условия труда, условия жизни—нельзя пользоваться только теми формами комсомольской работы, которые давно известны. Сумели же вы заинтересовать молодежь, привлечь к работе в оперативном отряде качества? А все потому, что это была необычная, нестандартная идея. Но надо идти дальше, «копать» глубже. Скажу прямо, вы еще не всегда умеете пользоваться своими возможностями. Возьмем для наглядности пример из непроизводственной сферы. Комбинат построил отличный стадион с футбольными полями, спортзал, а спортсменов стало меньше по сравнению с теми временами, когда они ютились в подвале Дома культуры. Значит ли это, что не стало ребят, любящих спорт? Думаю, что нет. Скорее всего, комсомольцы решили: мол, если появился стадион, то организаторской работы требуется меньше.

А. РУШАКОВ. Однажды в комитет комсомола пришли ребята, говорят: хотим совершить пеший поход до Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, а обратно спуститься на плотах по Вычегде. Комитет обеспечил их всем необходимым в тот же день...

А. ДЫБЦЫН. А если бы сами не пришли, то снаряжение пылилось бы в кладовой?

Теперь о производстве. Вы говорили: плохо, что у нас молодой инженер может не вносить рапределений. Значит, совет молодых специалистов, прав и возможностей у которого достаточно, не сумел увлечь идеей творчества. А молодой рабочий, который не желает учиться в школах экономических знаний, коммунистического труда, должен заставить вас задуматься, что занятия в некоторых школах ведутся скучно, по старинке, не привлекают молодежь.

Впрочем, иногда даже не нужно выдумывать новые формы—достаточно правильно использовать известные. На ремонтно-механическом заводе хорошо прошел конкурс мастерства: семь молодых рабочих повысили на нем свои разряды. Разве это не стимул? Но почему эти конкурсы проводятся в одном коллективе? Конечно, они подходят не для всех наших специальностей, однако на том же ремонтно-механическом можно было собрать токарей, слесарей, электриков со всего комбината. Согласен, проблемы все эти сложные. Что ж, давайте искать решения вместе.

А. РУШАКОВ. Разговор наш о многом заставляет задуматься... Несмотря на трудности с нашим заводом, комбинат в целом—лидер в отрасли, предприятие с самой высокой производительностью труда, самой низкой себестоимостью продукции. И это, откровенно говоря, в какой-то степени успокаивает. А успокаивается, видимо, рано.

А. ДЫБЦЫН. Этого вообще лучше никогда не делать.

А. РУШАКОВ. Недавно в Доме культуры бумажников открылся музей трудовой славы. Начинался он с документов многолетней давности: комсомольских билетов, путевок, фотографий тех, кто первым пришел в вычегодскую тайгу закладывать фундамент комбината. Следующее поколение строителей возвело красивый рабочий поселок (его правильнее было назвать городом). Они сделали все, чтобы нам и работалось хорошо и жилось радостно... Наверное, и среди них были люди разные—энергичные и равнодушные, оптимисты и скептики. Но пассивные «созерцатели» жизни забыты: вот о чем нам, комсомольцам семидесятых, стоит задуматься...

Осуществляя программу творческого сотрудничества молодежных изданий СССР и ЧССР, журналисты «Смены» и «Млады свет» побывали в городе Тобольске на строительстве крупнейшего в нашей стране нефтехимического комплекса. Этот репортаж, написанный двумя перьями, рассказывает о поездке на комсомольскую ударную стройку, о встречах с комсомольско-молодежными коллективами, руководителями строящегося гиганта на Иртыше, о будущем древнего сибирского города, который закладывается сейчас руками молодых.

Остается лишь добавить, что репортаж будет одновременно опубликован в чехословацком журнале «Млады свет».

решишь. А то, что он должен быть, это точно, мы с ребятами уже эту проблему обсуждали. Строить его надо именно здесь, на тюменской земле. И хорошо бы соревнование организовать за право заложить фундамент дворца.

— Саша, а когда по-настоящему началась бригада?

— По-настоящему?.. Пожалуй, на городском водозаборе. Тобольск, и новый и старый, сидел на голодном водном пакете, нужно было срочно пустить станцию...

Бригаде поручили оштукатурить резервуары, покрыть больше 1000 квадратных метров смесью, подаваемой через шланг под давлением. Делать этого никто, кроме Скиданова, не умел. Но отказываться было нельзя, сдача объекта и так задерживалась. Учились уже по ходу дела.

Бригада разделилась на две смены. Работали по 12 часов. Столовые меняли через каждый час—больше они не выдерживали, в отсеках, постепенно сужающихся от 2 до 0,5 метра, невозможно было выпрямиться, двое еле удерживали рвущийся из рук шланг. А намет должен быть ровным, в два сантиметра толщиной. Управляющий трестом Владимир Николаевич Снитко буквально дневал и ночевал на объекте. Торопил. Если одно звено выбивалось из общего графика, ему помогало другое. Те 30 дней на водозаборе были испытанием для каждого члена бригады, испытанием на верность позывавшей их сюда идее, на физическую, нравственную стойкость, если хотите, окрыленность.

Бригадная выработка за тот месяц составила 280 процентов. Снитко раздобрился, выделил вне очереди квартиру: «Решайте сами—кому нужно». Единогласно проголосовали—отдать квартиру Николаю Горшкову, заслужил.

Они всегда так, все решают сообща: что подарить кому-нибудь на день рождения, куда пойти в субботу вечером, кому выступать от имени бригады на городском комсомольском активе, какой пункт записать главным в бригадных соцбазах. И насчет Дворца комсомола, помните, они тоже решали сообща.

Нежные стены

В тот день мы наездили несколько сотен километров. Взлетая на ухабах, пропуская мимо бесконечные вереницы грузовиков, мы наконец добирались до огромной площадки, с трех сторон обрамленной лесом. Наш провожатый, заместиль главного инженера нефтехимкомбината Евгений Черепанов, очертил рукой в воздухе круг: «От леса до леса будет стоять только один цех. Таковы масштабы».

Объездная стройплощадка города и нефтехимического комплекса, мы останавливались там, где скоро поднимутся жилые корпуса. Ходим среди голубых и красных домиков на колесах, наконец, находим нужный. Бригадир женской комсомольско-молодежной бригады Валя Галкина показывает нам дипломы, развешанные по стенам, и поясняет, какой когда получен и за что. Все—на ходу. «Заходите как-нибудь еще. Поработаете с нами, тогда как следует познакомимся».

Мы пришли на следующий день. Работа начиналась с восьми, а мы пришли в семь. Валентина Галкина подняла голову от бумаг и вместо того, чтобы удивиться, улыбнулась и сказала: «Вот и хорошо, что пришли. Сейчас все соберутся». Действительно, в половине восьмого все были на месте. В семь сорок пять каждый знал, чем он будет сегодня заниматься. Всего в бригаде 22 девушки, троих сегодня нет, они в школе (один раз в неделю занимаются днем). Бригада работает на стройке жилого дома, штукатурят стены.

Таких чисто женских коллективов здесь, на нефтехимическом комплексе, двенадцать. Делают они почти все—от фундамента до последней уборки готового дома.

Бригада Валентины Галкиной обязалась выполнить годовой план к первой годовщине Конституции, то есть к 7 октября. И уже выполнила его. Дневная норма—12 метров оштукатуренной стены на каждую. Многие делают по 18 метров и больше. Только трое пока недобирают нормы. Они пришли в бригаду совсем недавно, и в горкоме комсомола Галкину предупредили, что девушки не из легких. Тут нужен подряд особый.

К каждой из новеньких прикрепили в бригаде наставницу, которая помогает овладеть профессией. Валентина сама частенько заходит в школу, интересуется успеваемостью девушек, бывает в их общежитии. Порой она шутит: «Был один ребенок, стало четыре».

...Есть у комсомолии города свои традиции, одна из них—шествие над ветеранами Великой Отечественной войны. На воротах некоторых старых домиков Тобольска нарисованы красные звезды. Если звезда в траурной рамке—значит, ушедший из этого дома боец погиб. Одного из тобольских красноармейцев и первых комсомольцев города девушки внесли в списки своей бригады. Его фотография и рассказ о его героической судьбе висят в красной рамке в их бытовке, а ниже—показатели выполнения нормы выработки каждого. Высокие показатели.

Английский писатель Аллан Силлито в книге репортажей, рассказывающих о Советском Союзе, написал: «Люди в

Ян КРУТА, специальный корреспондент

«Млады свет».

“КОМСОМОЛЬСКИЙ”

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Конкурс

одного

стихотворения

Людмила ДЕНИСЕНКО,
учительница,
Ставропольский край

Красная площадь

Ласкает солнце
Щедрыми лучами
Дорожку вдоль стены.
Литой кирпич.
Дорожкой
Мимо башен величавых
Когда-то проходил
Родной Ильич.
Шагалось еще молодо
И крепко,
И виделось сквозь годы
Далеко.
У стен, как прежде,
Зеленеют ветки,
Взлетают в небо
Голуби легко.
И я притихла
В ожиданье чуда
У Мавзолея
В полдень голубой.
Мне показалось,
Расступились люди
И среди них
Идет Ильич живой.

Родион ПЛАКСИН,
строитель,
Москва

Я как-то на стройку привез свою маму.
И вот мы стоим на краю котлована.
Строительство маме немного знакомо —
на уровне, скажем, сарая у дома.

А здесь: котлован — тридцать семь
в глубину!
Люди, работая, ходят по дну.
И стены у ямы до половины
тогорщатся острой стальной щетиной.

И тянет из ямы землистой прохладой...
Старушка моя напугалась изрядно.
И чтоб невзначай с высоты не упасть ей,
я взял ее крепко чуть выше запястья.

И в тот же момент я отчетливо вспомнил:
детство, в нем — мама, я еду на пони,
я весь от восторга и страха дрожу,
а мама: «Смелее! Я крепко держу...»

Владимир БАРСУКОВ,
машиностроитель,
Краматорск

Я родом из детства

Я родом из детства,
из звонкого детства,
Что в память,
бывает, ворвается на миг
То тихой речушкой
с селом по соседству,
То эхом любимых
гайдаровских книг.
Я родом из детства,
в котором Гагарин
Дышал и смеялся,
мечтал и играл...
Я родом из детства,
что стало недаром
Космическим стартом
к далёким мирам!

Сергей РЫБАЛКО,
журналист,
Ессентуки

Первым комсомольцам

Травы шелковистые
В чистом поле клонятся,
И по полу чистому
Мчится вихрем конница.

Комсомольцы первые!
Конники — Корчагины!
Вы рубились с белыми
Славно и отчаянно.

Вы с лихими песнями,
В битвах закаленные,
Шли на бой с Деникиным,
Правдой окрыленные.

Звезды на буденовках,
Словно искры пламени.
Мчится вихрем конница
С ярко-красным знаменем.

Николай КАЛЕНТЬЕВ,
военнослужащий,
Чувашская АССР

Кузнец

На тракторном стане гудят трактора:
— Давно нам на свежую пашню пора!
Но в полях снегов еще белая тьма,
Ометы с соломой стоят, как дома.
А в кузнице двое железо куют
И что-то в два голоса громко поют.
В мелодии этой — простор полевой,
Лишница колышет волной золотой.
Удары, удары — сам воздух звенит,
А в горне зияя молодая горит...

Валерий ФОКИН,
инженер,
г. Киров

Солнечные лебеди

Жить стараюсь пристальней и проще.
Выйдет ли.

Пока не знаю сам.
Ухожу в березовые рощи,
В вятские негромкие леса.
И порой мне видится, что в чаще,
В паутине солнечных лучей
Бродит тот художник настоящий
С белочкой, притихший на плече.
Он мечтал, как сам писал, о море,
Лоцманом уйти на корабли,
Чтоб в безбрежном голубом просторе
Паруса фрегатов расцвели.

Юрий АНАНЬИН,
журналист,
Северодвинск

Рабочие руки

Они, коль потрогать,
Действительно жестки —
То в знойных ожогах,
То в белой известке,

Такой уж огонь в них
И сила такая,
Как будто в ладонях
Металл отливает.

И солнце как будто,
Чей жар так огромен,
Несет людям утро
В рабочей ладони.

Александр ЛЕКОМЦЕВ,
журналист,
Хабаровск

Ударная студенческая

Вбегала трассы лента
В широкое село.
Казалось, что студентам
Неслыханно везло.
Казалось, что работа
Идет сама собой:
Ни трудностей, ни пота,
Лишь август голубой.
Но было в перепонках,
И грезилось одно:
В летищах пятитонных
Душистое зерно.
Асфальт твердел под вечер,
А мы с работы шли,
И отдыхали плечи
До утренней зари.

Вячеслав СЕМЕНОВ,
электромонтер,
Москва

Баллада о двоих

Не судьба бойцу дождаться
как придет войне конец.
Посреди войны гражданской
молодой упал боец.
Перестало сердце биться,
с пулей встретилось оно.
Только заново родиться
было парню суждено.
У него в полку стрелковом
верный друг-товарищ был.
Жизнь бойца в бою супровом
друг, как знамя, подхватил
и понес от боя к бою...
И с тех пор, само собой,
все считали, что их двое —
и погибший и живой.
Старой дружбы не забыли
тот, кто жив и кто погиб.
Вместе строили Турксиб.
И с фашистом вместе дрались.
Навсегда покончив с ним,
на рейхстаге расписались
оба почерком одним.
Если жизнь сильнее смерти,
то лишь только оттого,
что живет порой на свете
друг за друга своего!
Если в памяти народной
нет у подвига конца,
не считается короткой
жизнь погибшего бойца!

Анатолий ЧУМАКОВ
учитель,
Кривой Рог

А мы уходим в глубь земли

Уходят в море корабли.
Штурмуют высь Икары века...
А мы уходим в глубь земли,
Под своды каменного штрека.
Стремительна стальная клеть,
Блестящий трос, как хвост кометы...
Уходим, чтобы оставить след
В глубинах голубой планеты.
Там, рядом с гулкой тишиной,
Где крепь от напряженья стонет,
Мы погружаем в шар земной
Свои горячие ладони.

Виктор ТОЛОКНОВ,
мастер производственного обучения,
Апатиты

Задание

Сирены вой.
Разводка оцепления.
Проверочный по линии обход.
Готовимся бригадой в наступление —
На взятие заснеженных высот.
В сторонке экскаваторные стрелы
Глядят, как орудийные стволы,
И облака повисли над карьером
Еще пока совсем белым-белы.
Командный пункт —
Блиндажик узкой щелью.
— Давай! — неуставное.
И рванет...
Задание с сугубо мирной целью —
На завтра обеспечить фронт работ.

**ОКРЫЛЕННОСТЬ — ЭТО СМЕЛОЕ ДЕРЗАНИЕ
НА ПУТЯХ К ВЕРШИНАМ НАУКИ, К ОСВО-
ЕНИЮ ЗВЕЗДНЫХ ПРОСТОРОВ ВСЕЛЕННОЙ.**

**КОМСОМОЛ
В МОЕЙ СУДЬБЕ**

Бенцион ВУЛ,
академик,
Герой Социалистического
Труда,
лауреат Ленинской
и Государственной премий.

Комсомольские годы, даже давно прошедшие, навсегда остаются в памяти и оставляют неизгладимый след на всю жизнь. Семнадцатилетним я ушел добровольцем в Красную Армию защищать Советскую власть, был в знаменитой Первой Конной, принимал участие в боях против белых банд в Полтавской губернии. Мне было восемнадцать, когда меня избрали секретарем Белоцерковского горкома комсомола.

Каждому поколению приходится что-то делать впервые. Комсомольцы начали двадцатых годов выпало на долю быть первым отрядом, направленным на овладение всеми богатствами науки и культуры. Нередко к нам, первым комсомольцам в вузах, относились настороженно, порой скептически, а наши успехи вызывали удивление. Тем более следует с чувством глубокой благодарности вспомнить тех лучших представителей старой интеллигенции, которые восторженно встретили рабочую и крестьянскую молодежь,вшедшую в вузы. Учиться было несложно. В аудиториях да и в жилых комнатах замерзали чернила, а студенческие обеды, хотя и из двух блюд, были обычны, как говорили в шутку, из «пшена с водой и лапши без воды». Но мы не унывали. Ведь родители многих из нас были мало- или вовсе не грамотными, а мы становились инженерами, агрономами, врачами, физиками, химики. В 1936 году президент Академии наук СССР академик А. П. Карпинский писал: «В составе молодых кадров Всесоюзной академии наук немало комсомольцев, еще недавних студентов, ныне являющих собой прекрасный пример советских ученых».

Именно комсомол дал мне идеиную и творческую закалку, окрылил страстной любовью к знаниям, к борьбе с рутиной и шаблоном в жизни и в науке. Мы, комсомольцы двадцатых годов, вышли из пиньи. Сейчас комсомольцы нашего института участвуют в разработках сложных научных проблем, в том числе связанных и с освоением космоса. Такова диалектика жизни поколений Ленинского комсомола.

Автобиографии

Kакие сосны обступают мою Комаровку! Таких мало где встретишь у нас на Брестчине. Правда, пески под ними желтые, на таких им не вытянуться, но зато взяли они разлапистостью, пышностью. Когда я приезжаю в родную деревню, непременно иду под свои сосны и вспоминаю...

Семья наша жила трудно. До 1939 года — меня тогда еще не было — цар-

**Петр КЛИМУК,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой
Советского Союза,
генерал-майор авиации,
член ЦК ВЛКСМ.**

**НЕ
НА**

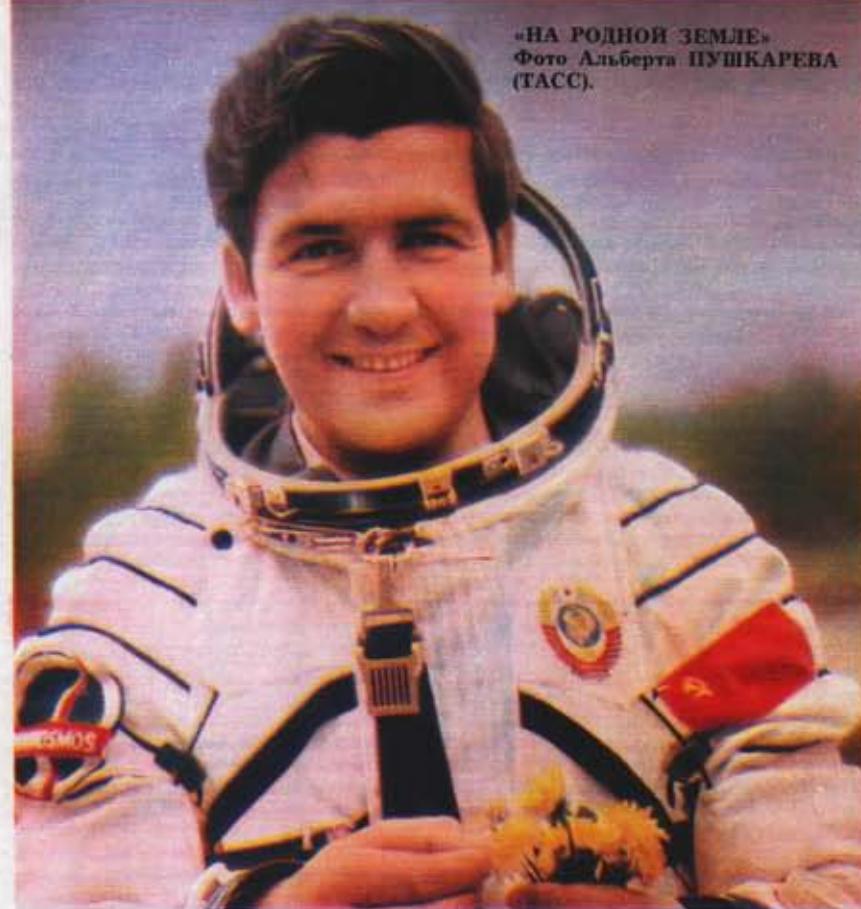
**ПЛЯДЯ
ЧАСЫ**

ствовал на нашей земле режим Пилсудского. В первые дни после нападения Германии на Польшу отца моего Илью Федоровича мобилизовали в армию. Однажды остатки их роты заняли оборону под городом Сельцы. Окопались возле разбитой мельницы. Через несколько часов показались танки со зловещими крестами. Отец с товарищами вели редкий винтовочный огонь по смотровым щелям. Но что они могли сделать?!

Взрывом отца швырнуло на стену окопа... Тогда еще гитлеровцы не успели построить концлагеря на всех пленных. Их гнали на запад сквозь грохот бомб, пожары, завалы на дорогах, сквозь смерть. Но вот побег, свобода. Жить отцу осталось пять лет. В первые же дни Великой Отечественной он, тогда уже заместитель председателя колхоза «Советский пограничник», ушел партизанить в Брестские леса, а позже, когда пришла Красная Армия, будучи уже ее бойцом, погиб, освобождая польский город Радом.

Моим партнером по последнему космическому полету был поляк Мирослав Германский, тоже сын крестьянина. И его отец погиб в борьбе за свободную Польшу. В редкие свободные минуты, любуясь планетой, мы с особым волнением пролетали над границей наших государств...

Отца я не помню совсем. В семье сохранилась его единственная фотография — свадебная. Старшие сестры Тоня и Нина помнят. Рассказывают: справедливый был человек, добрый и спокойный.

«НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ»
Фото Альберта ПУШКАРЕВА
(ТАСС).

В самый разгар войны, в сорок третьем, на втором году от роду я заболел. Лекарств в деревне, конечно, никаких. Нашили в соседней Томашевке лекаря. Осмотрел он меня и сказал, что дело мое плохо — легкие сильно воспалены и что спасет меня только переливание крови.

— Берите у меня, сколько надо, — сказала мама.

Взяли, говорят, много. Так я и ожил. В деревне маму зовут тетей Марфой. Были времена, когда вся наша Комаровка щеголяла в ее обновках. Всех обшивали, да еще и Томашевку вдбавляли. Позже, в сорок первом, переселились у нас в доме вдовы начальника заставы Аня Серова. Скрывалась от фашистов, а потом ушла в лес к партизанам. Оставила при этом маме солдатские рваные гимнастерки. Так она стала шить и для лесных бойцов.

С отчимом мне повезло, хорошим, чутким оказался человеком. Михаил Васильевич Морозову тоже довелось изрядно хлебнуть лиха. Воевал с белофиннами, был ранен. Следующую войну встретил на границе. Отбивал из пулемета яростные атаки гитлеровцев, потом служил в особом отделе. После освобождения Белоруссии — снова на заставе, затем в маневренной группе. К тридцати прожитые годы убили его виски, в уголках рта затаились жесткие складки.

Пришел он раз к нам в дом перешить гимнастерку — прослыпал про мамину золотые руки — да с тех пор так и зачастил в дом Климуков. Шел сорок шестой год.

Сестра Тоня первая сказала отчиму «тата», про меня и говорить было нечего. Жизнь в доме стала светлее. Помню, семейные деньги хранились у нас в сундуке, который никогда не запирался. В магазин мы ходили или в кино — сдачу всегда в мамины сундуки. И никаких на этот счет недоразумений не было.

С детства я любил мастерить. Едва подрос, кто-то из сельских плотников показал мне, как делают рубанки. Тогда все строили — сколько в войну домов было порушенено! И я мастерил рубанки. А с рубанком ты уже не просто Петя, а человекуважаемый. Вместе с отчимом ладили домашнюю мебель, обшивали тесом хату, или, как говорят у нас в Белоруссии, шалевали, помогали и другим. Много работы было и в саду и в поле. Пас я и коров — все было.

Ростом я не очень-то вышел, ну а на силу жаловаться не приходилось. Крутил «солнце» на турнике, много гонял в футбол. А еще купили мне гармонь-трехрядку, и полюбил я ее крепко. В общем, детство как детство, правда, не очень сытое — такие были годы.

И еще был в моем детстве прекрасный человек, муж старшей сестры Тони Саша Лущай — учитель физики и математики. Старше он меня на четырнадцать лет, но никогда этого не показывал. Многое он делал своими руками. И меня учил. И не только столярничать и слесарить. Сколько он возился со мной над школьными науками. Да не то чтоб помогал решать

ОКРЫЛЕННОСТЬ — ЭТО ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ ПАТРИОТИЗМА В НАШИХ СЕРДЦАХ, ПОСТОЯННАЯ ГОТОВНОСТЬ К ПОДВИГУ ВО ИМЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА.

КОМСОМОЛ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Георгий ХОЛОСТЯКОВ,
Герой Советского Союза,
вице-адмирал в отставке,
бывший секретарь
Речицкого уездного
комитета РКСМ.

30 августа 1918 года эсера Каплан стрелял в Ленина. Весть о злодейском покушении пришла на следующий день и к нам в Курск, в железнодорожные мастерские, где я работал подручным слесаря. Мы собирались на митинг. «Враги хотели обезглавить революцию», — говорил пожилой рабочий. — В ответ на предательские пули еще прочнее сплотим наши ряды, будем еще беспощаднее в нашей борьбе». В тот день я и мои товарищи написали заявления с просьбой принять нас в Союз Рабочей Молодежи имени III Интернационала. И вот уже 60 лет я остался в комсомольском строю. Вспоминая прожитое, могу лишь гордиться, что всегда был там, куда призывал меня долг бойца революции, комсомольца, коммуниста.

В 1918 году шестнадцатилетним парнем я записался в молодежный отряд ЧОН, который сражался с деникинцами. Был ранен, перенес тиф. После госпиталя комиссар отряда вручил мне гостевой билет на II съезд комсомола. Потом работал в агитагоне железнодорожного бюро ЦК РКСМ, распространял листовки, выступал перед красногвардейцами.

Беспокойное, горячее, стремительное и прекрасное время. Мы создавали сельские ячейки РКСМ, боролись с неграмотностью, помогали семьям красноармейцев, занимались в драмкружке и ходили на субботники, устраивали заслоны против спекулянтов, вылавливали бандитов.

Восемнадцатилетним я был принят в партию. А спустя два месяца мобилизован на борьбу с белополяками, став политруком роты 511-го стрелкового полка.

В 1922 году Всероссийский съезд РКСМ принял решение о шефстве комсомола над Военно-Морским Флотом. С тех пор моя судьба оказалась связанной с морем навсегда. Служил на Балтике, командовал дивизионом подводных лодок на Дальнем Востоке. Во время Великой Отечественной войны был командиром Новороссийской военно-морской базы. Мне почастливилося принимать участие в подготовке некоторых боевых операций вместе с начальником политотдела 18-й армии Леонидом Ильиничем Брюхневым. Бывал я и на легендарной Малой земле.

С благодарностью и уважением вспоминаю наш флотский комсомол. Я всегда опирался на него в самые напряженные часы, зная, что моряки-комсомольцы готовы на любой подвиг во имя Родины. Так было и так будет.

22

июля инженерно-саперный батальон в полном составе был выстроен на узком плацу у самого здания штаба. В это время обычно не бывало никаких построений, и Демидов, как и все в батальоне, ломал голову: с чего бы вдруг? Когда их комбат Рукавишников прошелся вдоль строя, глядываясь в лица ребят, как будто видел их впервые. Демидову подумалось: сейчас что-то должно произойти.

А Рукавишников, словно нарочно испытывая терпение батальона, продолжал молча вышагивать по плацу, не по-уставному скепив за спиной руки. Таким его Демидов никогда прежде не видел. Рукавишников был еще очень молод, батальон принял сразу же после академии, служба в далеком гарнизоне не согнала с него особый столичный лоск, даже элегантность, с которой он умел носить форму. В отношениях же с подчиненными комбат был прост, весел и прям. Его уважали, потому что он никогда не кривил душой, не держал ни на кого зла и был справедлив.

ДЕЛЕГАТ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ,
КУРСАНТ ЕВГЕНИЙ ДЕМИДОВ.
Фото Сергея Петрухина.

Стоять на солнце, на разогретом асфальте плаца, который даже через подошвы сапог жег ступни, приятного мало, но командира не поторопиши. Наконец Рукавишников расцепил руки, повернулся к строю и медленно проговорил:

— Товарищи... На одном из участков железной дороги Ярославль — Ленинград обнаружены снаряды, оставшиеся с войны. Командование приняло решение — доверить разминирование нам. Я знаю, что никому из вас никогда еще не приходилось этим заниматься на практике. Не скрою — работа опасная, количество снарядов точно не установлено. И хотя мы солдаты, я не хочу приказывать, в группу разминирования войдут только добровольцы... Нужно десять человек... Только десять. Кто?

Демидов не узнал своего голоса. Казалось, кто-то чужой выдохнул за него это короткое, приглушенное «я». Он вышел из строя на два шага, но ему почему-то показалось, что этого мало, и он сделал еще шаг. Потом за его спиной послышались еще шаги и еще. Евгений скосил взгляд направо — рядом с ним стояли ребята из его подразделения — Миша Донцул, Володя Дубышкин, Иван Агеев...

— Всё, — послышался голос Рукавишникова, — хватит, десять есть.

— В жизни каждого человека есть мгновения, когда он должен подняться еще на одну ступень. Было детство, потом казалось, что стал взрослым: ну как же — кончил школу, стал зарабатывать деньги, выучился что-то делать, приносить пользу другим. Так было и со мной. А когда я стоял тогда в строю, я вдруг понял, что моя прежняя жизнь до армии была вроде бы подготовкой к чему-то главному. Ведь я рос, в общем-то не зная никаких особых трудностей, на всем готовом. И тут вдруг так получилось, что потребовалось наше мужество, понимаете, не чье-то еще, а именно наше. Вот тогда, выйдя из строя, я по-настоящему почувствовал себя взрослым, потому что принимал на себя ответственность за чью-то жизни. Останься я тогда стоять на месте, в разминировании принял бы участие кто-то другой. А перевалывать на других все самое трудное, по-моему, подло. И еще, если по-честному, я знал, что на меня смотрят ребята из моего взвода: я был их командиром и группом соргом.

...У группы была ровно неделя сроку для того, чтобы пройти дополнительную подготовку. Руководил занятиями сам Рукавишников. Помогал ему капитан Бельцин, только что вернувшийся с того самого участка железной дороги, где были обнаружены снаряды. Опасный отрезок пути уже закрыли, сделали обводную ветку, пустив ее рядом с

чи письма веселили все отделение. А когда Донцул как-то заикнулся насчет того, что после службы собирается поступать в техникум, Демидов его усадил за учебники и сам с ним занимался математикой. Что и говорить, Женя в математике — профессор.

— Так я предлагаю Демидова, — сказал Донцул и поднял руку.

Других предложений не поступило. За Демидова проголосовали единогласно. К нему подошел Рукавишников.

— Поздравляю.

— Товарищ капитан, можно взять с собой ненормативный груз?

— Что именно?

— Из дома прислали книгу Экзюпери, а я ее прочитать не успел.

— Это с каких же пор книги стали ненормативным грузом, Женя? Бери, конечно, какие разговоры.

Потом они будут читать «Планету людей» вслух у костра по очереди. И как-то Донцул скажет, что хорошо бы все люди любили друг друга, как любил людей Экзюпери. «И что тогда было бы?» — спросит Иван Агеев. «Во-первых, ты не зажимал бы добавку», — улыбнется Дубышкин (Агеев был кашеваром). «Нет, тогда бы не было этих снарядов», — тихо проговорит Демидов.

...Последний раз проверили снаряжение. На станции все погрузили в отдельный вагон, туда же вкатили походную кухню — жить предстояло в лесу. За несколько минут до отправления состава Демидов опустил в почтовый ящик три письма.

Владислав ЯНЕЛИС, специальный корреспондент «Смены».

настор

прежней насыпью. По времянке поездашли из предосторожности на малой скорости, железнодорожники нервничали — срывался план перевозок, и потому торопили саперов.

Бельцин говорил, что большой группой они справляются быстро, на занятиях в основном обращал внимание на устройство артиллерийских снарядов, меры безопасности при работе с ними. Тогда еще никто не знал, что там им встретятся гранаты и мины ударного действия, которые особенно опасны при разминировании. Никто не знал, что они проживут вблизи той дороги значительно дольше, чем это предполагалось сначала Бельциным и Рукавишниковым.

Через неделю занятия кончились. Группа сдала зачет по взрывному делу, технике безопасности, разминированию и собралась в Ленинской комнате одного из подразделений. Вшел, как всегда, подтянутый Рукавишников. Предложил избрать комсорга группы разминирования.

— Что скажете?

С минуту все молчали. Потом Донцул медленно произнес:

— Надо хорошего, такое дело...

Донцул призывался из Молдавии. Внешне неповоротливый, молчаливый, он тем не менее отлично справлялся со своей машиной (водил ГСП). С ним было хорошо дружить: Михаил готов ради товарища в огонь и в воду. Если только он верил в него. В Демидова он верил безоговорочно. За что он его любил, Миша и сам бы, наверное, объяснил не смог. Но никто из ребят не рассказывал ему, сколько Женя. И про Казань, где он вырос, и про то, как надо плотву на тинку ловить, и про свою сестренку Ленку, которую Женя особенно любил и

Он написал матери, чтобы не волновалась, если от него какое-то время не будет писем, едет, мол, в командировку. И про отца, чтобы берегся, тот что-то часто болеть стал. Сделал приписку для Ленки. Она начала писать ему почти без ошибок и написала в последний раз, что поссорилась со своей подружкой из-за того, что та сказала, будто ее старший брат, который служит в танковых войсках, главнее ее брата сапера. Евгений наказал, чтобы она с той девчонкой помирилась и что он считает — главное тот, кто лучше делает свое дело, в каких бы войсках он ни служил. Написал Саше Самсонову. Они за одной партой с пятого класса сидели, занимались в одной спортивной секции, крепко, по-настоящему дружили. Саша учился в Казанском энергетическом институте, поступил сразу после школы. Евгений написал, чтобы Саша ни в коем случае не бросал спорт, несмотря на занятость в институте. «Спорт не только делает тебя сильнее, но и приучает к мысли, что тебе по плечу любое дело. Это я почувствовал на себе».

Третье письмо послал школьной учительнице по химии Олимпиаде Ивановне Чертовой. Почему именно ей?

Есть люди, которые оставляют в нас добрый след на всю жизнь. Мы помним их, прислушиваемся к их голосу в себе всегда и всюду, куда бы ни бросала нас судьба. И голос этот тем сильнее, чем больше сердца отдавали нам наши жизненные наставники, уча нас доброте и пониманию прекрасного. Олимпиада Ивановна была человеком, много пережившим, но сохранившим удивительную чистоту души и веру в людей. «Мальчики, — говорила она, — когда вы вырастете, вы многое поймете сами, но уже

Рисунок
Андрей Костицын

сейчас вы должны научиться любить все то, что вас окружает. Любовь рождает мужество, дает силы в борьбе, возвышает человека».

Был такой случай. Однажды Евгений и Александр, в ту пору семиклассники, решили добраться по трубе до карниза второго этажа и, пройдя по нему, влезть в класс через окно. Для испытания своей смелости. Олимпиада Ивановна увидела их уже на карнизе. Не остановила: боялась, что ребята упадут, если она скажет хоть слово. А когда вошла в класс, в глазах ее стояли слезы.

— Мальчики, зачем вы так!.. Смелость только тогда обретает смысл, когда служит благородному делу, а это просто глупое лихачество... — Она помолчала, вытерла глаза, улыбнулась. — Уверена, что у вас в жизни будет возможность проявить мужество. И не один раз.

В письме к Олимпиаде Ивановне Евгений напомнил ей историю с окном и в конце приписал: «Не думал, что так просто собрать себя для большого и трудного дела. В решающий момент понял, что вся предыдущая жизнь не дает права на отступление ни в чем. Все происходит само собой».

В доармейской судьбе Евгения нет чего-то исключительного. В его жизни все было, как у всех. И именно это определило линию его поведения в дальнейшем. Учился, хорошо шел по математике, на районных и городских математических олимпиадах завоевывал призовые места. Любил рыбалку, много читал, особенно про войну. Часто расспрашивал о войне своего деда, прошедшего пехотинцем финскую и Отечественную, орденоносца, человека богатой судьбы и очень справедливого.

Как-то вместе с товарищами Женя задержал браконьера, застрелившего лебедя. Не испугался, когда тот пригрозил ружьем, первым подошел к нему и схватил за ствол «бельгийки». Браконьер рассвирепел, оттолкнул Евгения, но он продолжал держаться за ружье «мертвой хваткой». На помощь подоспели товарищи.

...Однажды в школу пришли ветераны. Ему особенно запомнился один из них — невысокий, с усталыми глазами, без руки. Он о себе рассказывал мало. Сказал, что воевал сапером, руку потерял на последних днях войны при разминировании детского сада. Потом образ этого человека много раз вставал в памяти Демидова — там, на разминировании.

После школы Евгений не добрал баллов на экзаменах в институт, устроился работать в обувное объединение «Спартак» фрезеровщиком. Там же работала его мать... Потом морской клуб ДОСААФ, армия, школа водолазов, служба... Все, как у всех, вернее, как у многих. И невольно подумалось, что в этом, пожалуй, огромная наша сила и правда: сама жизнь, сама среда выплавляет из мальчишек самоотверженных бойцов и учит их беззаветно любить Родину. Поэтому в их последующей взрослой жизни «все происходит само собой».

...Лагерь разбили у неширокой речушки километрах в двух с половиной от опасного участка насыпи. Ближе было нельзя: Бельцин знал по опыту — при подрывах извлеченные из земли снаряды и мин осколки разлетаются в радиусе до двух километров, а порой и больше. Сбили настил из досок, под ним расстелили лапник. Хоть и стояла жара,

высушившая лес до ломкого звона, дожди могли начаться со дня на день, и тогда уберечь полевое солдатское жилье от сырости будет трудно. Демидов устроился в палатке вместе с Дубышкиным и Донцулом; привыкли друг к другу, хотелось быть вместе и сейчас, когда начиналось самое первое в их жизни большое испытание.

После обеда Демидов подошел к Бельцину.

— Товарищ капитан, ребята рвутся сходить туда сейчас... Я от имени комсомольцев прошу разрешить...

В нескольких шагах за спиной Демидова стояли Николай Власихин, Донцул, Дубышкин и другие.

— Поздно уже, потерпите до утра. Утром придем и сразу начнем.

Вышли из лагеря рано, солнце еще не всплыло над лесом. Демидову досталось нести миноискатель. Шли молча, даже Дубышкин, большой специалист по части баллистики, за всю дорогу не проронил ни слова — не тот момент. Просека упиралась прямо в железнодорожную насыпь. В нескольких метрах от нее тянулась наскоро проложенная нитька времянки. С обеих сторон на дорогу плотно насыпал лес. И так до самого горизонта.

Бельцин нашел вешку, поставленную им в его прошлый приезд.

— Вот отсюда и до той высокой сосны участок со снарядами. Ровно 350 метров, то есть примерная длина разбомбленного эшелона.

...Было это в 1942 году, когда Ленинград задыхался в блокаде и страна напрягала все силы, чтобы спасти осажденный город. Один из эшелонов, груженный боеприпасами, был атакован фашистскими самолетами. Зенитчики,

прикрывавшие эшелон, сбили два «хейнкеля», но самолетов было много. Одна из бомб попала в цель. И двое суток потом полыхал лес вдоль насыпи. Путь быстро восстановили, саперы собирали все, что лежало на поверхности, и ушли дальше: работы им тогда хватало, часть снарядов и мин, присыпанных землей, осталась лежать в насыпи. Прошли десятилетия, и земля, избавившаяся от разинувшего ее металла, постепенно начала выжимать из себя смертоносный свинец. Первыми нашли снаряды вездесущие мальчишки... Такова предыстория появления группы саперов недалеко от затерянного в лесах полустанка, спустя тридцать с лишним лет после разыгравшейся здесь трагедии.

...Встали цепью по обеим сторонам насыпи. В середине — с миноискателем — Бельцин. Демидов, Дубышкин, у остальных в руках длинные металлические прутья — щупы. Прошли всего несколько метров, и миноискатель отозвался в наушниках пронзительным непрерывным свистом. Еще шаг — свист нарастает, еще — то же самое. Металл пронизывал каждый метр трехсотпятидесятиметрового участка. В этой ситуации миноискатель был малоЭффективен. Решили вскрывать всю насыпь, от одного края до другого.

Огромная сама по себе работа требовала к тому же предельной аккуратности и тщательности. Один неловкий удар лопатой по бойку и... Но иного выхода не было. Насыпь разбили на трехметровые участки. И принялись за дело. Вместе с Демидовым работали Донцул и Дубышкин. Они так и трудились рядом все двадцать дней.

После пятого или шестого колпа лопаты Евгения звякнула о железо. По инструкции оставшее надо было делать руками. Грунт шел плотный, тугой. Демидов — где ножом, где пальцами — обкопал снаряд со всех сторон и вдруг почувствовал, что гильза обрывается зазубренными краями. Снаряд был пустой. В нем даже шевельнулось разочарование. Через минуту Донцул, тихо ойкнув, тоже наткнулся на что-то металлическое. Оказалось — осколок.

В первые полчаса почти каждый извлек из земли по нескольку осколков, ржавых железнодорожных костей или пустых гильз. Любопытство прошло. Ребята перестали срываться со своих мест и бегать к очередной находке, когда Дубышкин неожиданно разогнулся и с побелевшим лицом проговорил: «Целый». Евгений наклонился к его траншеи и увидел ржавое конусообразное туловище их первого снаряда. Сверху над ними навис Бельцин.

— Бери осторожно, помни — не встрихивать и не бросать. Переносишь за насыпь и кладешь возле дороги. — Он перевел дух, расстегнул верхнюю пуговицу. — Всем остальным лечь...

Евгений тронул товарища за плечо.
— Хочешь, я возьму?
Володя мотнул головой.

— Сам нашел, сам понесу.
Снаряд был от 152-миллиметрового орудия. Такой весит больше сорока килограммов. Дубышкин поддел его руками, выволок из траншеи и понес за насыпь. Шел тяжело, и было видно, как набухли вены на его шее. Демидов ни на секунду не спускал с него глаз. Массивный снаряд заслонял от Владимира дорогу, и он не видел, что у него под ногами. Где-то на полпути его качнуло — правая нога не сразу нашла опору. Демидов крикнул:

— Осторожно, слева кочка, только прямо!

Продравшись сквозь кусты, Дубышкин осторожно опустил снаряд на обочину. И тут все разом закричали, подбежав, захлопали по плечу: «Молодец, Володя!» А Дубышкин стоял, вытирал рукавом гимнастерки пот с лица и приговаривал: «Пустяки, тяжелый только очень».

Удача подбодрила ребят, они с удвоенной энергией заработали лопатами. Следующий снаряд откопал Демидов. Он был меньше того, что попался Володе, но капсуль оказался разъеденным

ОКРЫЛЕННОСТЬ — ЭТО НЕУКРОТИМОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ПРИУМНОЖИТЬ СПОРТИВНУЮ СЛАВУ РОДИНЫ.

КОМСОМОЛ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Мария ИСАКОВА,
заслуженный мастер спорта,
трехкратная чемпионка мира.

Когда меня спрашивают, какую роль в моей судьбе сыграл комсомол, я этот вопрос задаю часто, когда я выступаю перед молодежью, я каждый раз теряюсь. Сказать коротко — огромную, значит не сказать ничего. Ответить подробно — значит пересказать всю свою биографию. Ведь с Ленинским комсомолом связана вся моя жизнь. Даже сегодня я не представляю себя оторванной от молодежи.

Я вступила в комсомол в 1936 году. В том году я впервые добилась значительных спортивных результатов на ледовой дорожке — стала рекордсменкой страны на дистанции 1000 метров.

1936 год был двойным знаменательным: советские люди приняли Конституцию СССР, состоялся X съезд ВЛКСМ. Меня включили в группу советских спортсменов, приветствовавших высший комсомольский форум. Я стояла рядом с уже прославленными чемпионами — Ниной Думбадзе, Яковом Куденко, Григорием Назаком и, затем дыхание, повисло хладное слово.

Яков Куденко от имени спортсменов давал клятву высоко нести землю советского спорта. Это была и моя клятва. И как бы потом мне ни приходилось трудно на ледовых дорожках, как бы далеко ни казалась победа, как бы — уже позже — не легко мне было с моими учениками, я вспоминала об этой клятве. Вспоминала о своих товарищах по комсомолу, и это придавало мне сил.

Каждому спортсмену знакомо это чувство — чувство ответственности, с которым он выходит на старт. Ответственность за свой спортивный коллектив, в когда он выступает на международных соревнованиях — за спортивную честь Родины. Это чувство было со мной всегда. Я понимала, что на меня смотрят тысячи моих сограждан, товарищей. Приду в раздевалку после очередного забега, отдохну, а мне уже приносят телеграммы: «Поздравляем победой! Комсомольцы Донбасса», «Ты держаты! Комсомольцы Архангельского порта»...

Мы, спортсмены старшего поколения, с гордостью свидетельствуем, что столь же высокое чувство ответственности присуще нашим преемникам, тем, кто сегодня защищает честь спортивного флага Отчизны. И, воспитывая в них это чувство, мы говорим: «Каждую минуту помните о том, что вы — полпреды нашего спорта, что на вас смотрят, за вас болеют миллионы людей!»

Недавно я побывала в Братске. Ездила туда по направлению ЦК ВЛКСМ, чтобы выступить перед рабочей молодежью. Вернулась буквально потрясенная городом, его людьми, атмосферой созидания и окрыленности, царящей там. Как это прекрасно — быть в гуще нашей жизни, быть вместе с Ленинским комсомолом!

Балдерис, тяжело перевалившись через борт, зло выдохнул:

— Повсюду бьют...

Я «не услышал» реплику. И только спустя минуту, когда уже и следующее звено вернулось со льда, подошел к Хельмуту. Поймал его взгляд и сказал только одно слово:

— Терпи!

Тренеры тоже в игре. Тренерам тоже тяжело, тоже в конце матча не хватает дыхания. И тренерам больно, когда бьют их хоккеистов. Но что еще мог сказать я Балдерису?

И после второго и после третьего выхода звена на лед Хельмут повторял: «Бьют!». И снова я просил: «Терпи! Терпи и ищи выход. Попробуй уходить от прессинга, сталкивая своего «опекуна» с кем-то из других канадцев...»

В предыдущем матче с командой Швеции Балдерис сыграл превосходно. И, видимо, потому канадцы тогда с самого начала игры «приклеились» к опасному и удачливому нашему форварду. Едва шайба приближалась к нашим воротам, едва судья матча убегал вслед за хоккеистами на другую половину площадки, как канадцы снова и снова цепляли Хельмута.

Люди не ангелы, и терпение не безгранично.

Первым взорвался Борис Михайлов, которому тоже порядочно досталось в этом матче. Едва я вошел в раздевалку, как наш капитан крикнул:

— Может, хватит? Может, пора постоять за себя? Ведь перебьют всех...

Я понимал Бориса. Понимал Хельмута. Понимал их партнеров, которым пришлось испытать на себе грубость и жестокость профессионального хоккея. Сильного, интересного хоккея, но все-таки слишком жестокого. Я все это понимал, сочувствовал игрокам всей душой, и однако... Как разрядить страсти? И что в конце концов ответить Борису?

— Хорошо, Борис! Хорошо. Тебе я разрешаю действовать так, давай сдачу. Можешь отвечать на любую грубость. Надо, чтобы остальные твоему примеру ни в коем случае не следовали. Проигрывать больше нельзя, а почему мы проиграли команде Чехословакии, ты знаешь не хуже меня...

Причину неудачи в матче с чемпионами мира знали не только капитан и тренеры. Знали все. Видеозапись самого трудного поединка показала, что играли мы не хуже, играли так же интересно, как и могучий соперник. Игра шла на равных до того момента, когда в нашем составе начались удаления, когда снова и снова оставались мы в меньшинстве.

В 15-м номере журнала редакция подвела итоги конкурса, объявленного в октябре прошлого года под названием «Сборная СССР: какой она будет?». Названы имена победителей, им вручены призы — клюшки с автографами чемпионов мира по хоккею и фотографии сборной, подписанные спортсменами. Открывал конкурс, старший тренер сборной Виктор Тихонов предполагал после его завершения рассказать в «Смене» о хоккеистах сборной, о стиле работы хоккейных тренеров, проанализировать итоги последнего чемпионата мира, поразмышлять о будущем нашего хоккея. Итак, слово Виктору Тихонову.

ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ СБОРНОЙ СССР ПО ХОККЕЮ

СТАРТ БЕЗ ФИНИША

Не знаю, поверят ли мне читатели, но хоккеисты сборной страны в тот день, даже проигрывая 4:6, верили, что они сумеют спасти матч, смогут отыграться, сил хватало и настроение было подходящим, но когда уже казалось, что берет команда игру в свои руки, снова кто-то не сдерживался, и следовало новое удаление.

Вот почему вместе с тренером сборной Владимиром Владимировичем Юрзиновым мы настойчиво требовали строжайшего соблюдения дисциплины, говорили, что недопустимы малейшие намеки на попытку «дать сдачу» вне правил игры.

После трудного матча с канадцами капитан сказал:

— Будем терпеть, а рассчитаемся голами...

То была важнейшая победа капитана, драгоценная победа команды.

Психологи, работающие с хоккеистами, со сборной, начертывали схему на листе бумаги — стрелы, линии, прямоугольники, внутри которых написано: «цель», «моральные ценности», «коллектив».

«Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» — эта знаменитая реплика из «Витязя в тигровой шкуре» приходит на память всякий раз, когда тот или иной специалист, спортсмен или журналист, разбирая игру команды — хоккейной, футбольной или, скажем, баскетбольной — находит в действиях тренера великое множество просчетов и промахов и замечает осторожни или, напротив, изрекает безапелляционно: «Я бы на его месте...» В венском «Штадтхалле», огорчаясь неудачами нашей команды, я не спешил с критическими замечаниями. И когда предложили мне возглавить сборную страны и команду ЦСКА по хоккею, я, не скрою, отказывался долго. Не потому, что боялся ответственности. Причина в ином — я не знал, смогу ли достаточно быстро изменить настроение в двух главных командах страны.

Сомнения мои, что, к сожалению, подтвердились позже наблюдениями специалистов-психологов, не были лишены оснований. Команда не представляла собой единий в своих устремлениях, по-настоящему сплоченный коллектив.

Игроков высокого класса было, в общем, достаточно. Но не было команды в том высоком смысле этого слова, когда можно говорить, что общая цель, стремление к этой цели объединяют хоккеистов в коллектив, готовый решать самые ответственные задачи.

В сборной страны по хоккею были собраны спортсмены с далеко не одинаковым отношением к своему спортивному долгу. Одни, как, скажем, Борис Михайлов, приглашение в сборную (не первое, очередное, само собой разумеющееся) воспринимали как сигнал к усиленной работе — они стремились подняться к вершине. Другие, чьи имена называли мне сейчас не хотелось бы, довольствовались самим фактом включения в сборную — цель им казалась достигнутой. Они, эти хоккеисты, согласны были находиться и у подножия высокого пика. Разумеется, им тоже хотелось стать чемпионами, они прекрасно понимали, что золотая медаль более почетна, чем серебряная или бронзовая, но вот трудиться через «не могу», заставляя себя, им хотелось уже меньше.

Виктор ТИХОНОВ,
заслуженный тренер СССР.

Фото
Григория
ТЕРЗИБАШЬЯНЦА.

«...МЫ НАСТОЙЧИВО ТРЕБОВАЛИ СТРОЖАЙШЕГО СОБЛЮДЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ».

В сборной были как бы две группы. Лидеры и те, кто полагал, что лидеры «вытянут». В главной хоккейной команде сохранили места мастера по психологии своей — «запасные». Две группы — это разные требования к себе, к своей игре, к выполнению заданий на тренировочных занятиях.

По многолетнему опыту работы в рижском «Динамо» я уже знал, что перестроить методику тренировок, нацелить хоккеистов готовиться к матчу, к турниру, к сезону иначе, чем прежде, чем их учили, чем они, наконец, привыкли, все-таки легче, чем создать коллектив, где каждый, повторю, каждый, чувствует свою ответственность перед товарищами, равную для всех ответственность. Нам важно было, чтобы Александр Бияллетдинов или Сергей Макаров, как и братья Александр и Владимир Голиковы, не только понимали, но и стремились к тому, чтобы их вклад в общее дело был не меньшим, чем вклад того же Михайлова или Геннадия Цыганкова.

Самое страшное в спорте, да и, пожалуй, в жизни вообще — психология и настроение «запасного». Того, кто рассчитывает, что товарищи сделают больше, лучше. Сделают главное.

В сборной были ярко выраженные лидеры. Первая тройка нашего хоккея. Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов. Они стали первой тройкой давно. Десять лет назад. С тех пор они неизменно первые. Столько, сколько написано и сказано о Петрове и его партнерах, не говорилось, пожалуй, ни о ком. Все это — отражение реального положения дел в нашем хоккее.

Но достижения лидеров привели к тому, что на них стали смотреть как на волшебную палочку-выручалочку. Как только матч не складывается, как только ЦСКА или сборная проигрывает, на лед направляется первое звено. И остальные хоккеисты постепенно привыкли сначала к тому, что если трудно, то тройка «А» выручит, а потом, к сожалению, и к тому, что если Михайлов, Петров и Харламов не выиграют, то, значит, команда не суждено стать чемпионом. Чемпионом страны. Чемпионом мира.

Спасибо лидерам! Но сейчас нельзя рассчитывать только на одно звено!

Не было прошлой осенью особого секрета в надеждах тренеров сборной, что собранные вместе Сергей Капустин, Виктор Жлуктов и Хельмут Балдерис образуют наконец-то еще одну первоклассную тройку, которая тоже сможет нести на своих плечах ношу, достающуюся обычно признанным лидерам. Увы...

Прошел сентябрь, промчался октябрь, календарь отсчитывал неделю за неделей, сезон катился к Финну, чемпионами страны снова стали московские армейцы, но опять самым заметным, наиболее весомым, поистине решающим стал вклад звена Петрова, а тройка, возглавляемая Жлуктовым, так и осталась на вторых ролях.

Не раз и не два пытался я в ходе сезона — и в матчах первенства страны и в международных встречах — вести игру так, чтобы все хоккеисты ЦСКА, составляющие основу сборной, все хоккеисты сборной чувствовали свою личную ответственность за исход поединка. Я направлял на лед в критические секунды (например, при игре в меньшинстве или в большинстве, в тот момент, когда соперник перехватывал инициативу) второе и третье звено. Определенные сдвиги были, но все-таки первая тройка слишком уж очевидно оставалась первой.

Отступать было, как говорится, некуда, когда сборная накануне пражского чемпионата мира поехала на последние контрольные матчи в Швецию и Финляндию. Напомню, что первую встречу с финнами мы выиграли легко и уверенно, полагаю, что счет 9:0 в комментариях не нуждается. А вот во втором поединке дело не пошло. Финны оборонялись упорно и умело, при случае шли в контратаку, и потому борьба получилась напряженной и острой. Долго сохранялся

ничейный счет — 2:2. А в этом матче лидеры, по плану тренеров, не должны были играть — их проверять не требовалось, они, вне всякого сомнения, попадали в состав сборной, и потому Михайлов, Петров и Харламов, одетые в форму, сидели на скамье запасных и на лед не выходили. Они ждали команды вступить в игру. Они были готовы еще раз переломить ход матча, еще раз принести сборной победу, а победа была нужна, если хотели мы, чтобы не было у соперников накануне чемпионата мира сомнений в том, что сборная СССР сильнее. Если хотели мы, чтобы молодые наши игроки накапливали уверенность. И потому во втором перерыве, перед последним периодом, нашим ведущим хоккеистам было сказано, что они могут переодеваться: играть сегодня им не надо.

У Юрзинова и у меня не было иного выхода. За неделю до чемпионата мира следовало в высшей степени наглядно и убедительно показать второму и третьему звеньям, что нельзя бесконечно рассчитывать на то, что их кто-то выручит. Они и сами должны чувствовать свою ответственность за команду. В конце концов и у лидеров может наступить спад, и лидеры могут выйти из строя: от травм, от болезней не застрахован никто. Так ведь потом и вышло. Уже в первых матчах не мог участвовать опытнейший Геннадий Цыганков, много лет играющий в первой пятерке ЦСКА и сборной, потом был травмирован Петров. Как читатели, видимо, помнят, на последнем чемпионате мира на сборную страны обрушилась эпидемия травм — в некоторых матчах не могли играть Александр Голиков и Виктор Жлуктов, Сергей Капустин и Валерий Васильев, Александра Мальцев и Владимир Лутченко. Нам приходилось выставлять тройки да и целые звенья все в новых и новых сочетаниях, но если не шла игра у лидеров, то инициативу брали на себя другие звенья, и, пожалуй, не будет преувеличением, если я скажу, что все три пятерки были у нас ударными. И глубоко символично, что в последнем, решающем матче чемпионата мира — в игре со сборной Чехословакии три шайбы пришли на долю трех звеньев. Пятерка Жлуктова открыла счет, звено Петрова увеличило разрыв, а братья Голиковы закрепили успех товарищей.

Но я забежал вперед, пытаясь объяснить решение не выпускать на лед во втором матче с финнами тройку Петрова. Напомню попутно, что наша команда все-таки сумела тогда вырвать победу со счетом 4:2.

Перед последним этапом подготовки тренеры, пожалуй, говорили уже больше не о тактике игры с тем или иным соперником, а об отношении к игре.

— Если кто-то устал, если нет сил, если боязно, если кажется, что не хватит терпения, скажите, прошу, об этом сейчас... Все — в рамках собственных

возможностей — должны отвечать за команду, только тогда можно говорить об остальном. О тактике игры, о стратегии турнира...

Наверное, в каждом коллективе есть свои, порой специфические проблемы. Одна из важнейших в нынешней сборной заключалась, по представлениям тренеров, как раз в том, что я и поставил во главу угла на этих страницах — все хоккеисты должны были верить в себя, а не только в ведущих. Конечно, первое звено и Третьяя многое могут, однако плохо, когда команда считается командой одного звена. Но мало было понять все это, надо было заставить себя иначе работать.

За месяц до чемпионата мира Сергей Капустин был откровенно плох. Но не было для этого объективных причин, наши впечатления подтверждалась данными медиков. Поэтому тренеры в резкой форме потребовали от Капустина изменения отношений к тренировкам, к игре, к партнерам. Мы сказали ему, что сборной нужны хоккеисты, хорошо играющие сегодня. Сергей видел, что несколько знаменитых мастеров, еще вчера украшавших наш хоккей, приглашения в сборную не получили, и, кажется, понял, что и для него исключения не будет.

Капустин пришел в ЦСКА одновременно с Хельмутом Балдерисом, оба по праву считались безусловными лидерами в своих прежних клубах — в «Крыльях Советов» и в рижском «Динамо», оба привыкли быть на острие атаки, привыкли, что партнеры играют на них, а нередко и за них. Теперь же надо было перестраивать свою прежнюю игру, а это было связано с ломкой характера: то, что формировалось годами, не изменишь за неделю. Не все шло гладко, отличные крайние форварды, на опеку каждого из которых требуются усилия скорее не одного, а двух соперников, в сумме, казалось, могут сковать действия целой пятерки, играющей против них, однако Хельмут и Сергей долго не находили общего языка, хотя и центрфорвард их звена — мастер высокого класса, и защитники с ними играли превосходные. Не хватало малого — самого легкого и самого трудного одновременно: желания и готовности играть не так, как хочется, а как нужно команде. К счастью, и Капустин и Балдерис сумели себя обуздать, сумели с помощью партнеров и тренеров построить игру так, что главным стали интересы коллектива, а не соображения личного престижа. Они почувствовали, поняли личную свою ответственность за всю сборную и тоже стали лидерами команды. Но уже с иной психологией. Лидеры, но не тренеры. Лидеры, ведущие за собой товарищей, старающиеся взвалить на свои плечи ношу потяжелее, чтобы легче было партнерам.

Свой лучший в последние годы чемпионат мира

«СВОЙ ЛУЧШИЙ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЧЕМПИОНАТ МИРА СЫГРАЛ АЛЕКСАНДР МАЛЬЦЕВ».

сыграл Александр Мальцев. Он не капризничал, как бывало прежде, он играл не так, как получалось, но стремясь превзойти собственные возможности. Он был на льду, не экономил силы, не щадил себя, и оттого росли на глазах тянувшиеся за вожаком Александр и Владимир Голиковы. Их не устраивала роль третьего звена, они старались сыграть на том высоком уровне, с той высокой и щедрой самоотдачей, что отличает подлинных лидеров. И это у них получалось. И потому соперники, выходящие на матч со сборной СССР, не знали, какими силами нанесем мы главный удар. Иногда исход матча решали Петров и его партнеры, иногда — звено Жлуктова, где близкошли в решающих поединках то Капустин, то Балдрик, иногда — динамовская пятерка.

У нас были три звена-лидера. А это то, о чем мечтают тренеры!

Хоккеисты сложившиеся, опытные, обычно легче находят себя в меняющемся коллективе. Впрочем, я не уверен в безусловной истинности этого моего наблюдения. Тем более, что нынешние дебютанты сборной сравнительно быстро вписались в ансамбль.

Александр Билялетдинов неудачно сыграл осенью в турнире на призы газеты «Русское право», и я, признаюсь, не слишком надеялся на него как на игрока сборной. Всю зиму он играл ровно, но без блеска, приглашался во вторую сборную, и когда начинался последний этап подготовки к чемпионату мира, Билялетдинова мы рассматривали как запасного. Но заболел Сергей Бабинов, и Александр поехал в Прагу. Уже там простились Геннадий Цыганков, и Билялетдинов вместе с еще более молодым защитником Вячеславом Фетисовым был прикреплен к первой тройке. И именно это обстоятельство стало, как мне кажется, причиной быстрого возмужания Александра: он почувствовал уверенность, у него появились то настроение и то отношение к игре, к партнерам, к себе, что отличает игрока не запасного, а основного состава.

Снова вспомнил это слово — «запасной». Ох, как я боюсь спортсменов с психологией запасного! Лучше такого игрока в команде не держать. Он не только не сыграет в нужный момент так, как требуется, как можно было бы ждать от него, но он еще и, тренируясь вполна, пагубно влияет на игроков основных, ведущих, составляющих костяк команды.

Принимая сборную страны, я мечтал о таком коллективе, где не было бы «запасных», где все хоккеисты чувствовали бы себя равно нужными команде, где все близко к сердцу принимали бы заботы и интересы команды.

У нас, кажется, рождается такой коллектив.

Близко к сердцу — не фраза, а реальное положение

дел. В одном из матчей у вратаря Александра Пашкова и нападающего Юрия Лебедева, участия в игре не принимавших, прихватило сердце — иной раз на скамье запасных бывает труднее, чем на льду.

Пашков и Лебедев не были запасными, хотя они не входили по первоначальным замыслам тренеров в число игроков стартовых пятерок. Они не были запасными, не потому, что играли столь же часто, как и остальные хоккеисты. Они не были запасными по своему отношению к делу.

С такой же похвалой, как и о Лебедеве, ставшем чемпионом мира в третий раз, могу отозваться и о Сергеев Макарове, получившем первую золотую медаль.

Когда мы собирались ехать в Финляндию и Швецию, мне задали вопрос:

— Зачем включается в команду Макаров? Ведь он все равно не поедет в Прагу?

— Почему? — удивился я. — Да, он четвертый по счету запасной — вслед за Анатолием Емельяненко, Владимиром Шадриным и Юрием Лебедевым. Но он может оказаться в лучшей форме, более готовым к чемпионату мира. Мы, тренеры, должны проверить его в деле на высоком, на серьезном уровне...

В общем-то я понимал вопрос: представлялось очевидным, что мы включим в команду Шадрина и Лебедева, игроков сложившихся, проверенных, надежных. Но ведь я объявил, что былье заслуги не в счет. Что же теперь — делать исключение для кого-то? Нет, пусть все решит игра.

Знаю сейчас, что и Володя Шадрин, человек умный, добрый, серьезный, был удивлен решением тренеров. Казалось, что ему-то, при нехватке центрфорвардов, место в сборной забронировано.

Но понятия «броня» в нынешней главной команде страны не существует. Критерий истины — практика, а наша практика — игра. Ей и решать споры.

В дни чемпионата Юрзинов, я и руководители делегации старались сохранять по возможности душевное равновесие, избегать шараханий из стороны в сторону, не переводить без крайней необходимости игроков из одного звена в другое.

Мы верили в своих игроков и хотели, чтобы эту нашу веру в их силы хоккеисты видели. Чаще, чем обычно, ошибался поначалу Третьяк, но мы по-прежнему верили, что Владислав обретет по ходу турнира нужную спортивную форму и в финале сыграет так, как только один он умеет. Так, к счастью, и получилось. Если на старте чемпионата в ворота Третьяка влетело сначала пять, а потом четыре шайбы — и это в матчах с командами США и ФРГ, то на финише чемпионата, где мы встречались со сборными Швеции, Канады и Чехословакии, Владислав пропустил всего по одному голу. Достойно играл наш боевой комсорг, член ЦК ВЛКСМ Владислав Третьяк.

«МЫ ВЕРИЛИ В СВОИХ ИГРОКОВ. И КОМАНДА УСТОЯЛА. КОМАНДА ПОБЕДИЛА».

дислав пропустил всего по одному голу. Достойно играл наш боевой комсорг, член ЦК ВЛКСМ Владислав Третьяк.

Мы не охали, не дергались сами и не дергали игроков, когда команда проигрывала, но и не восторгались никем, когда сборная побеждала. Известно, что в день последнего, решающего матча Сергей Капустин проснулся с высокой температурой, но мы попросили его выйти на матч, только выйти, быть на представлении игроков, не более — этого уже достаточно, чтобы соперник увидел, что у нас все в порядке. Сергей согласился. Больше того, он провел на площадке несколько коротких смен. Но... но ведь Сергей только повторил то, что в предыдущем матче сделал травмированный Жлуктов. Виктор тоже выходил на лед, чтобы показать канадцам, что у нас все в строю действующих.

Команда устояла. Команда победила. Да, перед «финалом» великолепную чехословакскую сборную устраивала не только ничья, но и поражение с разницей в один гол. Да, первый матч хозяевам чемпионата мы проиграли, пропустив шесть голов. Да, преследовали нас травмы и болезни. Да, играли мы в обновленном составе, и в наших рядах не было ни Владимира Шадрина, ни Александра Якушева, ни Виктора Шалимова. Хотя...

Впрочем, довольно.

На листе бумаги линии и стрелы ведут к прямоугольнику, внутри которого написано — «коллектив»:

Спортивный коллектив особый. Он начинается по-настоящему не тогда, когда составлены списки команд, а тогда, когда команда сумела выстоять в сложной, напряженной борьбе с равным по силе и мастерству соперником, когда она впервые проявила высокую спортивную доблесть. Без спортивной доблести, самоотверженности, воли к победе это еще не команда в полном смысле слова. Какими бы технически грамотными, мудрыми, физически тренированными ни выходили спортсмены на лед, они рано или поздно уступят сопернику, если не чувствуют в себе глубокой уверенности в победе, если нравственно, психологически не готовы продолжать борьбу до последнего.

Качества, о которых я заговорил, присущи советским хоккеистам, это многократно доказано ими на льду европейских столиц, на ледовых полях Канады, где был развенчен миф о непобедимости канадских профессиональных команд. Воспитание этих качеств в спортсменах я считаю главной задачей спортивного наставника и не признаю чисто технической тренерской работы.

Создание боеспособного коллектива — сложное дело. И в нем участвуют и тренеры и общественные организации. Каждый игрок сборной — член ВЛКСМ или коммунист. В канун чемпионата мира и Европы в сборной проходит комсомольское собрание. Не стал исключением и 1978 год. 25 апреля, в день открытия XVIII съезда ВЛКСМ, в канун чемпионата мира, состоялось комсомольское собрание, на котором был принят текст приветствия в адрес съезда. В нем, в частности, говорилось: «Знаем, что победы даются нелегко. Успех зависит от того, насколько каждый из нас будет готов к ответственным, бескомпромиссным поединкам на льду, к тому, чтобы отдать для победы команды все свои силы, весь свой опыт, все свое мастерство. Заверяю вас, товарищи делегаты, что высочайшее доверие Родины — защищать спортивную честь Страны Советов — оправдано».

И нам приятно отметить, что данное обещание с честью выполнено.

Мы немало сделали, но я не обольщаюсь — еще больше нужно сделать. Мы еще только на полпути к себе. Впереди у нас не только счастливые победы. Всё не исключены и неудачи, поражения. Но мы не стоим на месте. Команда формируется и укрепляется. Команда закаляет свой характер.

«С ПОХВАЛОЙ МОГУ ОТЗВАТЬСЯ И О СЕРГЕЕ МАКАРОВЕ, ПОЛУЧИВШЕМ ПЕРВУЮ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ».

сердца и ума

Посвящается
60-летию ВЛКСМ

пою мое отчество

Николай ХОХЛОВ

грамотных, оно было совершенно непонятным. Тогда сделали вот что: известный лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» переводили: «Араты всех семей и сомонов, соединяйтесь!»

Таково было начало. А теперь пойдем к его продолжению, живому и вещественному,— в город Дархан. Но по дороге, как мостик, используем стихи известного монгольского поэта Чойжилжавына Лхамсурэна:

Как увидел впервые,
Этот синий простор,
Полюбил я Россию!
И люблю до сих пор
Я людей ее славных.
А как взялся за ум,
Захотел быть на равных
С высотою их дум.
С детства книги читая,
Знал я пушкинский слог,
Был бойцом у Чапаев,
Шел за Павлом в острог...
С юных лет это душу
Согревало мою.
Прежних клятв не нарушу
И опять востою
Связь с народом любым,
Связь с Москвой и в залог
Посвящу побратимам.
Эти несколько строк.

Стихотворение так и называется — «Моим побратимам». По духу, по теме оно близко строителям Дархана, города интернациональной дружбы, как его называют в Монголии и далеко за ее пределами. Советский Союз, Польша, Болгария, Чехословакия и Венгрия возвели в степи не только город, но и крупный промышленный комплекс, и это стало возможным, только благодаря международному сотрудничеству между братскими социалистическими странами.

В Дархане есть своя терминология, понятная всем жителям. «Надо посоветоваться со старшим братом» — скажет монгольский товарищ и отбывает к молодым советским специалистам. «Поехали в Прагу» — это значит, что он направляется на цементный завод, построенный чехами и словаками. «Заглянем к полякам» — на завод силикатного кирпича. Венгры построили мясокомбинат, а болгары — фабрику меховых изделий.

Не забуду посещение одной из средних школ: в ней работает клуб интернациональной дружбы. Каждый из классов носит название какой-либо социалистической страны. У школьников есть визитные карточки. Активистки Янжма и Джидма вручили мне сразу две. Читала: «Монгольская Народная Республика, город Дархан, третья средняя школа, класс по пропаганде Советского Союза». Школьная формочка на девочках такая же, как и у советских учащихся. Белые фартуки, красные галстуки. И салютуют так же, как наши пионеры.

На стене висит выставка, посвященная 60-летию Ленинского комсомола и дружеским связям советской и монгольской молодежи, в классе много советских книг. На учительском столе — альбом с надписью: «Адреса наших друзей». Идет оживленная переписка с пионерами и комсомольцами Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Волгограда и других наших городов.

Однажды школу посетили министры просвещения и образования социалистических стран. Зрелище было необычное: при каждом министре находился «коллективный переводчик», то есть весь класс. И каждого гостя монгольские ребята приветствовали на его родном языке.

Ведущее предприятие Дархана — теплозавод имени В. И. Ленина, построенная с помощью Советского Союза. Главный инженер товарищ Дашиэрэн — воспитанник одного из советских технических вузов. Он говорил мне: на протяжении жизни одного поколения мы создали социалистический рабочий класс, возвели сотни промышленных предприятий. Теперь Монголия — индустриально-аграрная республика. От первого нашего шага до нынешних высот с нами были и есть советские люди.

И вот какое обстоятельство он подчеркивает: инженерно-технические кадры республики подготовлены в советских вузах и техникумах. Сравните, говорит Дашиэрэн: во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки специалисты из капиталистических стран работают долгие десятилетия. Национальные кадры там растут черепашими темпами, и это вполне устраивает зарубежных спецов. У нас же в Дархане на электростанции, к примеру, вначале работало 230 советских специалистов, сейчас осталось семь человек. У советских товариществ есть принцип: быстрее подготовить себе замену, научить монголов самих управлять производством. Учат прямо здесь, на специальных курсах. Потом — практика на советских предприятиях, учеба в вузах, техникумах. Иными словами, действует полный комплекс помощи — братской и бескорыстной.

Вечером коллеги из молодежной газеты пригласили меня в клуб на лекцию «Советская молодежь на БАМе». Демонстрировались два документальных фильма: Москва провожает на стройки Сибири и Дальнего Востока комсомольско-молодежные отряды; Улан-Батор прощается с революционщиками, отбывающими трудиться на предприятиях Дархана и Эрдэнэта.

Единый порыв молодежи. Общий пульс братства.

«СОЮЗ» В КАВЫЧКАХ И БЕЗ НИХ

От Оренбурга стальные звенья магистрального газопровода «Союз» тянутся к Западной границе Советского Союза. Почти три тысячи километров. Захватив азиатские просторы, он прошел всю европейскую часть нашей страны и подошел к самой границе с социалистическими странами. В Оренбурге на проспекте Юрия Гагарина стоит многоэтажный дом, в котором живут молодые болгарские специалисты, а в прикарпатских и закарпатских районах трудятся, тоже обосновавшись как следует, венгерские строители. В Волгограде — чехи и словаки, в Харькове — поляки, в Черкассах — юноши и девушки из Германской Демократической Республики. В настоящее время сооружение «топливно-энергетической Волги», как многотысячный интернациональный коллектив строителей именует газопровод, подходит к концу. Недавно в районе Ужгорода сварен последний шов — «красный стык». Таким образом, линейная часть готова. Еще усилие, и будут сданы в эксплуатацию компрессорные станции, которые и приведут в бесперебойное движение топливо. Магистраль — детище Комплексной программы экономической интеграции социалистических государств. Ленинский комсомол и братские молодежные союзы социалистических стран объявили ее сооружение ударным объектом первостепенной важности.

Проехал от оренбургских степей, которые хранят в своих недрах мощное

газоконденсатное месторождение, до Карпатских гор, я встретился с представителями всех без исключения национальных отрядов строителей. Расскажу о некоторых из них.

С комсомольцем Валерием Кононовым я познакомился в открытом поле за Оренбургом, на строительстве компрессорной станции. Ладный, невысокого роста паренек. Пятидесятого года рождения. Работает экскаваторщиком. Как-то все вокруг него выглядело нарочито скромным, обыденным. На всех крупных стройках поражаешься машинам, самой современной технике, размаху работ. А тут скромнейший экскаватор Кировского завода с ковшом в один кубометр: выбрасывает не холмы, как некоторые, а горсточки земли. Зато хозяин его прославился виртуозным мастерством. Экскаватор Валерия незаменим при подготовке фундаментов и площадок, на которых потом монтируются не простые, а так называемые фигуры агрегаты. Нужна филигранная точность — он работает строго по чертежу, так что по конфигурации выемки легко угадать, какая машина займет в ней свое место.

Валерий — лауреат премии Ленинского комсомола, депутат Оренбургского областного Совета народных депутатов. Просто и как о само собой разумеющем с сообщает:

— Не было случая, чтобы наша бригада не справилась с дневным заданием. Мы понимаем: стойка наша особая, интернациональная — и поэтому обмениваемся опытом и информацией с молодежными коллективами из братских стран. Соревнуемся с ними, ездим друг к другу в гости: всегда ведь интересно знать, как работают и живут твои сверстники из других стран...

Около украинского города Первомайск через село Алексеевка проходит польский участок газопровода. Здесь я встретился с Тадеушем Штандерским: он руководит центром политического воспитания и является секретарем Социалистического союза молодежи Польши на этом объекте. Польский участок «стыкуется» с чехословакским на востоке, с немецким — на западе. Тадеуш не без гордости говорит, что «поляки не ударили лицом в болото» — они задавали тон многим важным начинаниям на трассе. О темпах работы молодых поляков говорят на всей трассе. Еще бы! Прокладку труб они закончили к 60-летию Великого Октября — почти на год раньше планового срока. А ведь у них самый протяженный участок — 583 километра!

С уважением отзываются Тадеуш о всех молодых строителях магистрали. «Прекрасная в наших странах молодежь — трудолюбивая, мужественная, стойкая и жизнерадостная. Здесь, на стройке, это видно особенно отчетливо». Спрашиваю у Тадеуша: какие планы на ближайшее будущее, что бы хотелось еще сделать? Отвечает:

— Поработать бы подольше с советскими ребятами! Желательно на еще более крупной стройке. У нас в Польше таких нет. Мы в вашей стране прошли отличную школу. Конечно, сдружились. Промышленные и комсомольские собрания проводим совместно: скрывать нам друг от друга нечего, а задачи общие. Одна у нас трибуна — социалистическая...

Я напомнил о разных примерах, рассказал о разных встречах, и все это искры одного интернационального пла- мени, столь дорогое нам, советским людям, согревающего и нас и другие братские народы.

Посвящается
60-летию ВЛКСМ

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Конкурс
одного
стихотворения

Надежда ПУЗЫРЕВСКАЯ,
строитель,
Амурская область

Мечта

Я помню — скользит по карте
тоненькая указка,
восторженно замирают
четыре десятка глаз.

Я помню урок обычный,
который казался сказкой,
в далекое Приморье
на крыльях несущей нас.
А после мне снились часто
большие стада оленей,
тайга, где зеленые ели,
покачиваясь, шумят,
звенки в мохнатых шубах,
багульник под цвет сирени
и первых землероек
веселый дружный отряд.
Могла ли тогда подумать
девчонка со школьной парты,
что станет ей край далекий
родным, как отцовский дом,
что собственными руками
однажды изменит карту
строитель семидесятых
нелегким своим трудом...

Евгений СИГАРЕВ,
военнослужащий,
Камчатка

На восходе

Словно яркие снимки контрастные,
Проявляет краски восход:
Дюны белые, сосны красные,
Отмель синюю воду пьет.
Штора выгнута желтым кливером.
Запах йода и кильки пряян.
Ход часов не случайно выверен
До минут и секунд по утрам.
Очень вежливо и воспитанно,
Не горлания спросонок зря,
Ходят парами чайки съестные
По накрапинам янтаря.
Не к лицу вроде нам умиленье,
Но по дюнам пободриши ты,
И возникнет в груди удивление
Пред восходами чистоты.
Чистоты, где на свете этом
Голубеет наша земля,
Защищив горизонт силуэтом
Пограничного корабля.

Леонид ЧЕРНЫШЕВ,
машинист грейферного
крана,
Магнитогорск

Я крановщик

Мерилом нашей жизни — честный труд.
Я крановщик.
Мое простое имя.
Бананы в нашем цехе не растут,
Хоть африканский зной в моей кабине.
В ее груди огонь металла бьется.
Мне надо сохранить и уберечь
В ковшах
частицу собственного солнца.

ОКРЫЛЕННОСТЬ — ЭТО ТВОРЧЕСКОЕ СОЗИДАНИЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ПРЕКРАСНОГО МИРА ИСКУССТВА.

КОМСОМОЛ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ,
народная артистка
СССР.

В комсомол я вступила еще в хореографическом училище. И когда пришла в Большой театр, сразу окунулась в работу нашей небольшой, но боевой организацией.

30-е годы отмечены удивительной страстью к созиданию — будущее, овеянное романтикой подвига, пафосом созидания первых пятилеток. Нам не повторяли дважды: «Нужно сделать то или это!» Мы всегда были готовы выполнить любое комсомольское поручение.

«Надо!» — и мы надевали резиновые сапоги, ватники и спускались в шахту строящегося метро; дружной молодежной ватагой ездили копать картошку на колхозные поля. Вечером, сменив сапоги на атласные туфельки, выходили на сцену принцами и принцессами из сказок. А между сказочными и несказочными сценическими представлениями реальная жизнь стучалась в двери нашего комсомольского комитета. Нас просили выступить на предприятиях столицы, в школах, пионерских лагерях.

Во время войны фронтовые бригады Большого театра дали около семи тысяч концертов в действующей армии, в военных частях тыла, в госпиталях, медсанбатах. Но не только концертной деятельностью занимались комсомольцы театра. Мы стали инициаторами создания танковой колонны «Советский артист», давали кровь для раненых бойцов, помогали семьям фронтовиков, убирали урожай, отправляли на фронт посылки, подарки...

Эти замечательные традиции военно-школьской работы театр сохранил до сих пор.

Я счастлива, что комсомольская юность моя прошла в 30—40-е годы. Мое поколение было активным строителем нашего социалистического общества. И хотя мы прошли сквозь трудное, суровое время войны, пережили немало невзгод, мы остались молодыми и всегда с гордостью вспоминаем комсомольскую юность.

Это великая радость — найти свое призвание, служить людям.

И сегодня, когда я вижу энтузиазм, задор, горение души у нашей творческой молодежи, мне радостно, что общаются они с искусством и людьми именно по-комсомольски — активно, созидающе. Нет, я не ошиблась — общение это можно и нужно называть так. Ведь когда решаются проблемы нравственные, проблемы воспитания гармонической личности — разве не созидательный по своей сути эти усилия! Поэтому я горжусь, что наш опыт, наша комсомольская юность продолжают жить в этом новом, славном поколении. И, думаю, так будет всегда — открытость нашей молодости и молодости сегодняшних свершений тому порука.

Две быстрые речки — Тельбес и Мундыбаш — бегут навстречу друг другу, петляя между отрогами Салаирского кряжа, густо поросшего пихтами, осинами и березами. Неподалеку от Темиртау, в одной из живописных долин, их воды подхватывает своеизначающая Кон-

Руководитель оркестра народных инструментов — Николай Алексеевич Капищников.

Андрей ПОЗДНЯЕВ.

Фото Сергея ВЕТРОВА.

УРОКИ МУЗЫКИ

дома и несет дальше, на север. В том самом месте, где сливаются три эти реки, и раскинулся небольшой рабочий поселок Мундыбаш.

Поселок, где сегодня каждый третий мальчишка играет на каком-либо инструменте, где есть своя музыкальная школа, а в средней общеобразовательной — оркестр народных инструментов, которым руководит читатель русского языка и литературы Николай Алексеевич Капищников.

Капищников живет в этих краях без малого полвека. Еще мальчишкой приехал он сюда с Алтая вместе со своими родителями, братьями и сестрами. Семья у Капищниковых была по-крестьянски крепкой и работящей. Впрочем, отдыхать и веселиться тоже умели. От души. По праздникам в их доме балалаика и гармошка умолкали лишь с первыми петухами.

Не мудрено, что с детских лет Коля Капищников полюбил музыку, особенно русские народные песни. Выучился играть на мандолине и балалайке, часами мог разучивать ту или иную мелодию.

И еще одна страсть у него была — поэзия. Наизусть помнил многие стихи Пушкина, Некрасова, Кольцова. Пробовал и сам сочинять, правда, никому не говорил об этом.

После окончания школы, когда пришла пора выбирать свою дорогу в жизни. Николай Капищников поехал

в Томск — поступать в педагогический институт. Успешно сдал экзамены и был зачислен на первый курс историко-филологического факультета. Лекции и самостоятельные занятия в библиотеке — с книгами он почти не расставался — отнимали довольно много времени, и все же несколько часов в неделю он обязательно уделял музыке.

Диплом об окончании института Капищников получил летом сорок первого года, а вслед за ним получил боевое оружие — ушел добровольцем на фронт.

... В Мундыбаш я вернулся сразу же после войны, — рассказывает Капищников. — Первое, что бросилось в глаза, — ребятишек в поселке вроде бы больше стало, чем взрослых. Да так оно и было: многие ведь не пришли с фронта... В ту пору я еще только начинал учительствовать. Планов, конечно, и идей, как у всякого молодого педагога, было хоть отбавляй. А главное — хотелось чем-то интересным увлечь ребят, отогреть их, что ли... Понадчу организовали мы драмкружок. Потом появилась другая мысль — создать свой оркестр русских народных инструментов.

Охотников-то играть в оркестре много не нашлось, только на чем играть? Была у меня мандолина, кто-то притащил гитару без струн, раздобыли еще пару балалак и домру — вот и весь наш музыкальный арсенал. За ин-

струментами, положим, можно было съездить в большой город, но где опять же деньги взять, чтобы их купить?..

Изрядно пришлось нам головы поломать, пока не надумали, наконец, построить своими силами при школе мельницу. В те годы, сами знаете, как с хлебом было. Так что мельница эта не только нас выручила, но и другим пользу принесла.

Когда заработали нужную сумму, купили инструменты, ноты кое-какие, книги по музыке. Стали репетировать. Так, собственно, и начинался наш оркестр — с мельницы...

Николай Алексеевич на минуту прерывает свой рассказ, подходит к старенькому шкаfu, достает оттуда целую кипу альбомов, папок, толстых тетрадей и кладет их передо мной.

— Здесь — вся история нашей «музыкальной республики». Посмотрите пока, полистайте...

Фотографии, письма, вырезки из газет, афишки программ, автографы известных композиторов и музыкантов. Далеко не у каждого профессионального коллектива такая богатая биография, как у этого самодеятельного школьного оркестра.

Вот лишь несколько страничек из нее.

В поселковом Доме культуры часто выступают юные музыканты.

...1963 год. Гастрольная поездка по Кемеровской области. Совместные концерты с лауреатом международных конкурсов скрипачом Виктором Пикайзеном.

1967 год. Участие в I Всесоюзном фестивале детского искусства в пионерском лагере «Орленок».

1970 год. Выступление в Большом зале Московской консерватории перед делегатами IX Международной конференции по эстетическому воспитанию детей и юношества.

проведенных в Москве, а на следующих конференциях — в Тунисе, Австралии, Швейцарии — спрашивали нас, советских делегатов, о судьбе оркестра...

И, наконец, 1977 год. За развитие самодеятельного художественного творчества среди детей и юношества и за высокое исполнительское мастерство решением Бюро ЦК ВЛКСМ оркестру была присуждена премия Ленинского комсомола.

— Знаете, что мне ребята заявили, когда узнали о премии? — смеется Капищников. — Не будем ее получать — и все тут. Мы, дескать, в оркестре всего по два-три года, а существует он тридцать с лишним лет. Несправедливо выходит: те, кто играл до нас, вроде как и ни при чем оказались... Пришлось согласиться с ними и приглашать в Москву на вручение премии представителей сразу нескольких поколений. Сложности тут никаких не было — мы ведь со всеми выпускниками поддерживаем связь.

Традиция эта давняя. Ежегодно в феврале месяце съезжаются в Мундыбаш десятки гостей, люди самых различных профессий — рабочие, инженеры, агрономы, врачи, ученые, дипломаты. Все они учились когда-то в местной школе и играли в оркестре Капищникова. Каждый из них по сей день считает себя полноправным членом этого коллектива, не мыслит своей жизни вне забот его, огорчений и радостей.

Что движет этими людьми? Какие чувства побуждают их забывать на

стру. Профессиональными музыкантами стали лишь несколько человек, но с музыкой так или иначе связаны почти все. Многие до сих пор продолжают играть на любимом инструменте и даже создают новые самодеятельные коллективы — на заводах, предприятиях, в институтах, где работают или учатся. «Уроки музыки» Мундыбаша продолжаются.

Капищников предложил как-то ребятам отметить на географической карте те города и населенные пункты, где звучали когда-либо оркестры с участием мундыбашцев. Красные ниточки потянулись из Горной Шории во все уголки нашей страны — в Прибалтику и на Украину, на Среднюю Волгу и на Урал, в Магаданскую область и в далекий Тихий океан, откуда пришла однажды в Мундыбаш такая радиограмма: «У себя на корабле мы организовали народный оркестр в двадцать человек. Провели первое занятие. Руководство принял на себя Старшина II статьи Тихоокеанского флота И. Цибизов».

Каждая очередная встреча выпускников не похожа на предыдущую. Это может быть и конференция, посвященная творчеству того или иного композитора, и импровизированный концерт, в котором принимают участие «старички», и «малыши», и просто дружеская беседа за чашкой чая. Но завершаются эти вечера всегда одинаково — торжественным вручением оркестровой премии года. Награждаются ею лучшие из лучших, те, кто, закончив выступления в оркестре, остались преданными друзьями его и помощниками. Те, кто по-прежнему верен первой его заповеди — всячески популяризировать русскую народную музыку, отечественную и зарубежную классику, повсюду прививать ростки музыкальной культуры.

А первым лауреатом премии стал Василий Дмитриевич Кузнецов — «президент», как уважительно называют его все оркестранты.

В раннем детстве Вася Кузнецов перенес тяжелую болезнь и на всю жизнь остался калекой. Дом, где он жил, находился в нескольких минутах ходьбы от школы, но выходил он всегда задолго до начала занятий: на kostылях непросто было преодолеть даже такое короткое расстояние.

По вторникам и пятницам, когда проводились репетиции оркестра, Вася обычно допоздна задерживался в школе: очень нравилось ему слушать, как играют ребята.

Однажды его встретил около музыкальной комнаты Николай Алексеевич Капищников.

— Я смотрю, ты всерьез любишь музыку. Хочешь заниматься у нас в оркестре?

— Хочу, — смущенно пробормотал Вася. — Только... у меня, наверное, ничего не получится.

— Все получится, — перебил его Капищников. — Нужно лишь захотеть по-настоящему.

С этой минуты началась для Васи совершенно иная жизнь, наполненная радостью творчества, теплотой общения с друзьями. Занятия в оркестре настолько увлекли, захватили его, что о недуге своем он теперь почти и не думал: попросту некогда было.

После окончания десятилетки Василий Кузнецов остался работать в школе библиотекарем. Все свободное время по-прежнему посвящал оркестру: помогал Капищникову подбирать репертуар, переписывал партитуры, обучал новичков музыкальной грамоте.

Как-то ребята прочитали в газете сообщение о том, что на одном из автозаводов начался серийный выпуск автомобилей для инвалидов. Тут же постановили на общем совете: такая машина обязательно должна быть у Василия. Дали несколько платных концертов, а недостающие деньги прислали выпускники оркестра — все без исключения загорелись желанием подарить Васе автомобиль. Не знали

Уроки музыки и нравственности.

Композитор Дмитрий Кабалевский будет позже вспоминать об этом выступлении:

...Вот еле заметно приподнялись руки Капищникова, и началось одно из тех чудес, которые щедро дарят нам искусство, если мы сами дарим ему свое сердце, свою душу, свои мысли. Звучание оркестра было таким поэтическим, проникновенным, художественно завершенным, что с первых же звуков вальса Глинки зал оказался в плена у этих славных, скромных ребят... Многие выдающиеся зарубежные педагоги выделяли выступление мундыбашских ребят, как одно из наиболее ярких воспоминаний о днях,

...Сегодня их около трехсот — выпускников оркестра. И это непривычное словосочетание — выпускники оркестра — вовсе не оговорка, не натяжка. Именно выпускники: ведь их занятия в оркестре были уроками и музыки и нравственности. Экзаменом же стала жизнь, и за успешную его сдачу они, как видите, благодарны родному оркес-

Писатель и поэт Сергей Заплавный живет и работает в Томске. Филолог по образованию, первые годы своего трудового пути он отдал журналистике — редактировал областную молодежную газету «Молодой ленинец». Поззия влекла Заплавного еще со студенческой поры, его стихи печатались в газетах и журналах Сибири. В 1969 году начинающий поэт — участник V Всесоюзного совещания молодых писателей. Его поэтический голос зазвучал громче, его творчество привлекло внимание признанных мастеров стиха. Тогда же Борис Ручьев выступает на страницах специального, посвященного этому совещанию номера «Смены» со статьей, в которой было сказано много теплых слов о Заплавном. Пересеклась творческая биография молодого литератора и с именем замечательного советского писателя Виктора Астафьева: писатель дал «зеленый свет» первой прозаической книге Заплавного — повести «Марийка», выпущенной издательством «Молодая гвардия» в 1973 году. Ручьев и Астафьев рекомендовали своего младшего собрата по перу в Союз писателей СССР. Сейчас Сергей Заплавный — автор трех прозаических и трех поэтических книг.

В 1975 году за повесть о нефтяниках Сибири «Земля с надеждой» писатель удостоен премии Ленинского комсомола Томской области.

Литературный дебют молодого поэта состоялся в «Смене», на страницах которой в 1966 году была опубликована подборка стихотворений Сергея Заплавного. И сегодня журнал знакомит своих читателей с новым рассказом писателя.

1

До прихода поезда Иркутск — Москва оставалось минут тридцать или около того. Степан Матвеевич решил скратить это время в крохотном пристаниционном сквере. Понурые от жары и шлаковой пыли тополя возле двух скамеек хранили так желанную после муторной духоты станционного зала прохладу.

Напротив Степана Матвеевича с просительным интересом замерла пятнистая непородная собачонка. Она терпеливо следила, как расстегивает он ворот белой полотняной рубашки, как снимает пиджак, как возится с застежкой дорожной сумки, как достает из нее пакетик детских вафель. Вафли собачонка вежливо обнюхала, потом, благодарно виляя хвостом, одну за другой начала перетаскивать в траву возле металлической ограды.

Степан Матвеевич улыбнулся ее предусмотрительности и только теперь заметил, что рядом с ним стало людно. Напротив пристроились морячок с Балтфлота, слишком юный и слишком рыжий, и длинноногая девушка в вельветовых туфлях. Справа обосновался костистый старик в солдатской гимнастерке с гвардейским значком. Он извлек из бездонных карманов цветастый кисет, стопку газетных квадратиков, спички и теперь проворно ладил самокрутку. Встретив взгляд Степана Матвеевича, предложил с гостеприимной общительностью:

— Прошу угоститься. Табачок натуральный, самосад.

Степан Матвеевич отрицательно покачал головой.

— Вот это правильно, вот это по-нашему, — одобрил старик. Потом спросил: — Никак из санаторных людей будете?

— Был, — поправил его Степан Матвеевич, — да весь вышел.

Старик понял его слова по-своему, испытывающе оглядел с ног до головы, заметил глубокие белые шрамы на руках и заключил убежденно:

— Не похоже, чтобы сильно вышел... На войне помял?

— На ней.

— Сам-то из каких краев?

— Кемеровский.

— Из шахтерских, стало быть?

— Да нет, на заводе работаю. Слесарь-инструментальщик.

Хорошее дело, — одобрил старик. — Полезное. Только не пойму, в какую сторону съехался? Кемеров-то, город, в другую сторону будет.

— В Тобольск еду, к сыну. К Василию, — неохотно, только бы не обидеть любопытного соседа, ответил Степан Матвеевич. — Он у меня после армии прямо туда. Нефтехимический комплекс начинают строить.

— В гости, выходит? — оживился старик. — Вот и я по тому же делу. С зятем воевать поехал. Укорот надо дать. Он у меня шустрый попался, позволять себе последнее время начал.

— Что же он себе позволяет?

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

РАССКАЗ

СОННИЕМ

ОСВЕЩЕННЫИ

— Да всякое... Вопще-то он паренек толковый, с уважением. Сперва просто на стройке работал, а в прошлом где-то в какой-то консольский штаб выдвинули. Разъезжает теперь по Рассее, молодь с других мест в Тюмень агитирует. В третьем месяце аж на Крайний гонял — в Киев там, в Чернигов, ишо куды-то. Дальше — больше. То ево, понимаешь, дома нету, то в квартире дым коромыслом. Каждую неделю новые люди проживают — одни уходят, другие приходят. Общественный очень, дальше некуды. Собрания свои уже на дому назначает. Дочка пишет: замучилась к лешему — всякий раз простирай за имя, на стол приготовь, третья да четвертое принеси. А ей с сынишкой ни спрятаться, ни отдохнуть — комната однокомнатная. Дочь ему, понятно, притензию, а он на тебе чего удумал: перегородил светелку надвое и опять за свое, пущее прежнего...

— И правильно сделал, — не утерпел рыжий морячок. — Он ведь не для себя старается, для людей.

Рисунок
Владимира
ДЕЛБЫ

— Чево, чево? — не понял старик.

— А еще гвардец, — неожиданно устыдила его длинноногая девушка. — Сам несознательный, а других учит.

— Да и не супротив людей, — заволновался старик, — что я, не понимаю? Но работа — это работа, а сознание нащет семейства должно иметься. Зачем путать? Есть общежития, есть гостиницы. Пусть лучше на старое место возвратится, как был. Вот мое последнее слово.

— Он и впрямь не подарочек, — вновь подала голос девушка. — Родных не жалеет. А любовь?

— Я и говорю, — обрадовался внезапной перемене в ее тоне старик.

— Женщины все на любовь переводят, — засмеялся одутловатый мужчина, которого Степан Матвеевич приметил еще в санатории. — Как будто им другого дела нет.

В СВОИ
ВОСЕМНАДЦАТЬ
ЛЕТ

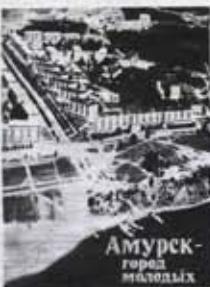
Социальный оптимизм

Прекрасно, что в год юбилея ВЛКСМ вышел сборник повестей и рассказов о комсомольцах «В свои восемнадцать лет» (изд-во «Молодая гвардия», 1978 г.). В нее вошли произведения 23 советских писателей—от зачинателей комсомольской литературы до тех, кто заявил о себе как писатель в последнее десятилетие. Удивительное ощущение остается от прочтения этого великолепно составленного сборника, в котором отражена история комсомола за шесть десятилетий,—ощущение глотка целительной влаги, радости узнавания близких людей, нравственной бодрости. Социальный оптимизм—вот, пожалуй, та основная черта, которая характерна для героев всех повестей и рассказов. Написанные по горячим следам событий писателями, знавшими своих героев не понаслышке, зачастую делившими с ними все трудности мирной и военной жизни, рассказы и повести воссоздают прекрасный облик молодых, а иногда и совсем юных людей, свято веривших в жизнеутверждающую и великую идею коммунистического будущего. Да, рассказы и повести порой трагичны, но тем привлекательнее образы комсомольцев, выигравших в смертельных схватках с врагами Советской власти единственно верное решение, оставшихся до последнего часа людьми высокого долга, глубокой человечности. Такова девушка в рассказе А. Серафимовича «Две смерти», во имя революции ставшая разведчицей и пришедшая работать в госпиталь юнкеров. Она не выдала друзей после провала. Таков танкист Антон в рассказе Г. Николаевой «Гибель командарма», подбивший в неравном поединке три фашистских танка. Будучи тяжело раненным, он отдает свой спасательный пояс врачу на тонущем санитарном пароходе. Таков 18-летний комсомолец Анатолий Мерзлов, спасающий трактор от огня. Герои эти делали свое дело в немоверно трудных условиях и, конечно же, не думали, что совершают подвиг. Учась, работая, воюя, они строили страну, тем самым строили себя как личность. Чувство долга, проявлявшееся постоянно в их поступках, было естественным продолжением слов и мыслей героев. Любовь Белокрылова из рассказа И. Лаврова «Ревущая вода», приняв решение остаться в насосном отделении шахты, затопляемой наводнением, и отвечая брату на предложение немедленно подняться вместе со всеми на поверхность, говорит: «Я тебе сказала, что свой пост не покину!» Она вовсе не думает, что совершает нечто необычай-

ное. Она лишь хочет до конца исполнить свою работу, хотя прекрасно понимает грозящую опасность.

Всех их, героев повестей и рассказов—веселых и грустных, отчаянных и тихих, удаливых и невезучих, мирных и военных,—роднит безоглядное служение стране Ленина, народу, комсомолу. Непрерывная духовная эстафета поколений, изображение комсомола как верного помощника партии на всех участках—и в дни мирного строительства и в годы военного лихолетья—все это широко и разнообразно отражено в сборнике. И тут надо отдать должное работе составителя—лауреата премии Ленинского комсомола Клары Скопиной, чье предисловие предваряет книгу. Особую ценность книге придает краткий рекомендательный список художественной литературы о комсомоле, помещенный в конце ее,—он включает более 200 наименований. Для тех, кто захочет составить комсомольскую библиотечку, такой список будет прекрасным ориентиром. Мне думается, что читатели всех поколений с интересом прочтут сборник «В свои восемнадцать лет».

Арсентий СТРУК

Возраст? Комсомольский

Закрыта последняя страница книги «Амурск—город молодых» (Хабаровское книжное изд-во, 1977 г.)—закончилось наше путешествие по стопам юношей и девушек, которые больше двадцати лет назад пришли на берег Амура, увлекаясь мыслью: «Здесь город будет...» Автор, заслуженный работник культуры РСФСР Н. Кириюхин, сам прошел тогда славный путь первостроителей: от прорубленной в тайге первой просеки до широких улиц и многоэтажных зданий нового города.

История Амурска—это история сооружения в короткие сроки крупных предприятий лесохимической и деревообрабатывающей промышленности. История Амурска—это и судьбы людей, его строителей. Первый бульдозерист, пригнавший свою машину на место будущего города, Александр Абамасов, первый партийный вожак строителей Н. А. Ференцев, и один из первых комсоргов, Виктор Мидонов, и первые молодожены Бортниковы, и первые Герои Социалистического Труда И. М. Тищенко и С. И. Шатохин—в их биографии Амурск вошел самой романтической, самой гордой строкой. И молодому читателю, уверена, будет интересно познакомиться с ними: ведь не каждый день и час узнаешь людей—своих современников,—которые уже в юности стали основателями города.

Возраст строителей Амурска, как и его жителей,—в основном комсомольский. Потому книга о молодом городе—это, по сути, летопись его городской комсомольской организации, награжденной орденом Трудового Красного Знамени. Читая ее, по-

нимашь, что награда и не могла обойти добровольцев 50-х годов. Ведь они получили тогда эстафету строителей. Братска. Ведь они были призваны нести и дальше высокий, принадлежащий не лозунгам, а кипучей жизни комсомола смысл слов «энтузиазм», «трудовой подвиг», «первопроходцы»...

Трудно точно сказать, была ли у автора такая задача, но книга получилась как портрет. Портрет города. На котором каждый штрих, каждая линия—живая, выпуклая. Образ юного города—это и его улицы, и его живописные окраины, и труженик Амур, на берегах которого трутся рукотворные гиганты-заводы; это и старожилы, что спорили до хрипоты бессонными ночами о его будущем, и юные граждане Амурска—для них то будущее стало настоящим, им закладывать другое. И хорошо, что книга учит их не забывать сделанного отцами, не успокаиваться, не стремиться к спокойной молодости... Не только потому, что сделанное нужно продолжить—Амурску ведь растут и растут,—но и потому, что быть продолжателями—значит принять эстафету поколений. Принять душой, сердцем, руками, которым дорог каждый кирпич родного города.

Вновь и вновь перелистываю уже прочитанную книгу. Снова разглядываю фотографии, словно ищу знакомые лица. Откуда это чувство? Ведь в этом городе не пришлоось бывать, а веет теплом, как при встрече с добрым другом...

Амурчане привычно и с гордостью произносят слово «первый»: «первый дом», «первая улица», «первый проспект», «первая школа», и вот—первая книга об этом городе комсомольского возраста.

Книга, которую можно назвать документом, призывом и утверждением того, что радость—в повседневном беспокойстве сердца, в обновлении, происходящем благодаря труду.

Елена КУДРЯВЦЕВА

«Страницы нашей юности»

О них слагают легенды и поют песни. Их имена—золотом на граните и в памяти миллионов людей. Их путь—от взвиженных тачанок полей гражданской войны до затопленных океаном электрического света сегодняшних новостроек.

Герой сборника «Всегда в борьбе» (изд-во «Московский рабочий», 1978 г.) необычен: ему одновременно и восемнадцать и шестьдесят лет. Но на любом жизненном круге он вечно юн. Имя ему—Комсомол! Жаркое, беспокойное сердце его закалилось в студеном роднике революционной романтики, у доненных печей первых пятилеток. Это сердце жгли в Освенциме и Майданеке, оно замерзло на закопченном снегу села Петрищева,—но стучало и пело, возрождаясь в золотистой пыли целинных степей, на ударных стройках Сибири и Забайкалья.

Старые, седые люди преображаются, вспоминая комсомольскую юность—те годы без отды-

ха и сна, с работой до гула во всем теле, до сплюхов в глазах. На брусчатке московских улиц и площадей красными гвоздиками пламенела их кровь, московские корчагинцы—«в трудные для республики месяцы отправлялись то на один, то на другой фронт вслед за коммунистами и рабочими» (раздел «Поляхи фронты»). Нынешние комсомольцы, уезжающие на БАМ в новеньких защитных штурмовках, вспоминают оборванных, голодных, со сточенными лопатами в руках первостроителей искореженной, но высточавшей страны. Эта память—былая током высокого гражданского напряжения связь поколений.

Великое начиналось в упорной обыденной работе. «Казалось, ничего германского комсомольца... не совершили,—пишет в разделе «Трудовая молодость мужика комсомола 20-х годов Е. Пылаева,—зато боролись за каждую деталь, за каждый винтик, каждую гвоздику, выполненную сверх плана. Многие вечерами посещали переполненные аудитории рабфаков». Вот когда зарождалась битва за экономию, за хозяйствское отношение к той почве, где наши корни, наша надежда! Ведь было и всегда будет так: «Надо!»—и комсомольцы работали сверх сил человеческих, совершили сверх возможного. И смыслом этого слова теперь живут и рабочий паренек из Латинской Америки, и девушка-батрачка из Африки, и молодой азиатский крестьянин, потому что наш Комсомол всегда готов был прятянуть руку тварища: советские парни и девушки работали на строительстве Асуанской плотины, на сахарных плантациях Кубы, помогали крестьянам свободной Африки осваивать сельскохозяйственную технику... И всегда не только увлекали своим порывом, но и «...стремились и сейчас стремятся рассказывать правду о Советской стране, о ее народе, представителями которого за рубежом они выступают. И никогда не испытывали такого чувства гордости за свою Родину, как в подобных поездках». (Из очерка ректора ГИТИСА А. Рапохина).

Прекрасно оформленный, иллюстрированный редкими историческими снимками, двухтомник наполнен грозовым ветром эпохи социализма, ее буднями и праздниками.

Николай НИКИШИН

Не знакомство— дружба

Куба. Как много раз за последние годы имя этой далекой, смелой и свободолюбивой страны было у нас на устах. Оно произносилось то с грустью—когда улыбка трудолюбивого ее народа была погашена мраком диктатуры; то с волнением—когда Фидель и его преданные соратники высадились с яхты «Гранма», чтобы провозгласить на весь остров: «Родина или смерть»; то с радостью—когда революция победила; то с тревогой—когда первая страна социализма в Западном полушарии была в опасности.

Мы всегда были рядом—два товарища, два настоящих друга. Только вот рукопожатие наше очень уж далекое—через океан. Но расстояния, как известно, сокращаются, если едины мечты, чувства, если един ритм жизни—мощный, победный.

Светлое ощущение добьтой и не раз потом защищенной Свободы вызывает гордую и радостную улыбку на устах народа Кубы. Этой улыбкой остров встретил участников XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. «Улыбка Западного полушария»—так называл первую главу своего лирико-эпического повествования о Кубе писатель Василий Захарченко.

В книге «Куба всегда со мной» (изд-во «Детская литература», М., 1978 г.) собраны стихотворения, фотографии, очерки, репортажи. Ее жанр трудно определить, но, пожалуй, точнее всего сказал о нем сам автор—лирико-эпическое повествование. Эпос... Сражения с прошлым стали его достоянием, а героями этих сражений—героями. Имена «либертадоров»—освободителей—как памятные вехи на пути от жестокости испанских конкистадоров к незываемым дням января 1959 года. Хосе Марти, Хулио Мелья, Камило Сенфуэгос, Че Гевара... И вместе с новой эрой страны—имя Фиделя Кастро.

Но взять власть—это была еще не победа. Нужно было каждый день быть готовым отдать в ее защиту жизнь. В защиту и во имя новой, невиданной ранее жизни народа. Это не менее геройские страницы эпоса острова Свободы. 1959 год. Фидель и Камило Сенфуэгос летят в провинцию Камагуэй: там асыхнулся контрреволюционный мятеж. Летят они без оружия, без революционного войска. И десятки тысяч людей, закрывая их грудью, требуют: «Предатели—к ответу!» Они были безоружны... Но они были вооружены самым сильным оружием—верой в дело революции. Верой, которая несколько лет спустя помогла отстоять молодую республику на Плайя Хирон.

«Первая свободная территория Америки», как написано на транспаранте в аэропорту Гаваны, не давала и до сих пор не дает гокоя силам реакции. Карибский кризис, экономическая блокада, диверсии, убийства мирных граждан—список подобных «эффективных» мер часто отзывался горьким трауром для кубинского народа. Но в эти трудные минуты ощущение горечи всегда светилось уверенностью в дружеских чувствах Советского Союза.

Страница за страницей проходила перед нашими глазами история, настоящая, будущее стойкой страны в Карибском море. Куба учится, Куба творит новую жизнь, Куба любит... Куба счастлива! И ощущение этого счастья обязательно передается тем, кто придет сюда на форум молодежи—в это веришь, прочтя теплые, эмоциональные строки книги Василия Захарченко.

Теперь, после фестиваля, мы знаем—так и было.

А кто не смог стать очевидцем этого удивительного зрелища народного счастья,—для них книга «Куба всегда со мной» станет не просто знакомством с далеким островом.

Станет рукопожатием дружбы.

Александр АКОПОВ

Стихи
Николая ДОБРОНРАВОВА.
Музыка
Александры ПАХМУТОВОЙ

ЛЮБОВЬ, КОМСОМОЛ И ВЕСНА

Звени, отваги колокол!
В дороге все, кто молоды.
Нам карта побед вручена.
Отчизне в дар останутся
Рабочей славы станции.
Запомните их имена:
Любовь, комсомол и весна.

Дорога, вдаль идущая,—
Наш первый шаг в грядущее.
И звезд и земли целина...
Мечты края безбрежные,
Твоя улыбка нежная...
В душе, что отвагой полна,—
Любовь, комсомол и весна.

Мы сами—ритмы Времени,
И нам с тобой доверены
Песни и ночи без сна...
И снова выруги кружатся,
И песня учит мужеству,
И с нами на все времена—
Любовь, комсомол и весна.

Составил Б. ХОЛМОВ,
Москва

По горизонтали:

2. Комсомольский секретарь в романе Н. Островского «Как закалялась сталь». 7. Школа для взрослых в первые годы Советской власти. 9. Нераспаханная земля. 10. Антифашистское освободительное движение. 11. Стихотворение В. Маяковского. 12. Художественный фильм по мотивам грузинской народной легенды. 13. Поэт, автор песни «Мы кузнецы». 16. Свободное от работы время. 18. Основоположник русской школы физиологов растений. 19. Норвежский драматург. 20. Сцеп нескольких сельскохозяйственных машин. 22. Лучшие части войск. 23. Опорная деталь машинного вала. 24. Южное декоративное растение семейства лилейных. 25. Рассказ М. Горького. 29. Северное созвездие. 30. Приспособление в комбайне. 31. Период схватки в боксе. 34. Химический элемент, газ. 35. Один из героев романа Н. Островского «Рожденные бурей». 37. Автор романа «Иду на грозу». 38. Машина для уборки сена, соломы. 39. Один из героев пьесы Вс. Иванова «Бронепоезд 14—69». 40. Ископаемая смола, употребляемая для подделок. 41. Добровольный колективный общественно полезный труд.

По вертикали:

1. Гонщик на спортивном судне. 3. Приток Алдана. 4. Руководство постановкой спектакля, фильма. 5. Столица союзной советской республики. 6. Молодой город на Волге. 8. Польская денежная единица. 9. Литовский писатель. 14. Сообщество растительного и животного мира, взаимообусловленное окружающей природой. 15. Замена ручного труда машинным. 17. Прибор для регистрации влажности воздуха. 19. Зачинатель передовых методов, новатор. 21. Приток реки Волги. 22. Украинский танец. 26. Город, где в годы Великой Отечественной войны действовала комсомольская подпольная организация. 27. Советский летчик-космонавт. 28. Советская гимнастка, чемпионка XIX Олимпийских игр. 32. Советский космический корабль. 33. Пьеса А. Корнейчука. 35. Руководитель строительного участка. 36. Центр автономной области в Восточной Сибири.

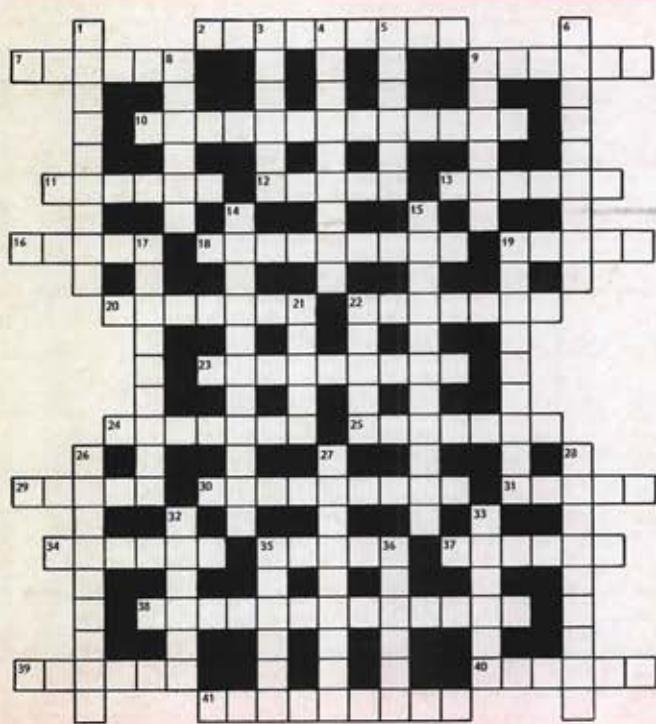
ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 19

По горизонтали:

7. Орлова. 8. Афелий. 9. Нахимов. 11. «Сиверко». 12. Клапан. 13. Пирол. 15. Варна. 16. Кордебалет. 17. Калимантан. 19. Тобол. 21. Резец. 23. Аккорд. 25. «Контора». 26. Арбенин. 27. Мордва. 28. Неджеф.

По вертикали:

1. Аргази. 2. Починок. 3. Каток. 4. Радин. 5. Федерат. 6. Циркон. 10. «Владимира». 11. Саламандра. 14. Портал. 15. Веймар. 17. Коттедж. 18. Нервида. 20. Омолон. 22. Елисей. 23. Аршан. 24. Дрена.

**А. АЛАМОВ.
СТРОИТЕЛЬНЫЙ ОТРЯД.**

B Москве, в залах Академии художеств, проходила выставка, посвященная 60-летию комсомола. Молодые художники из многих городов, автономных республик, краев и областей РСФСР отобразили в своих работах славную историю вечно юного комсомола.

Художники, рассказывая о делах комсомольских, остро чувствуют современность, перенося на полотна ее накал, ритм, грандиозность новых свершений. Но, чтобы полностью отразить жизнь юности 70-х, они обращаются в своих произведениях к истокам комсомола. Постижение, осмысление прошлого — необходимый этап становления и воспитания личности. События, запечатленные на картинах молодых художников, учат мужеству и верности идеям революции. И мы, захваченные их образами, становимся как бы участниками этих событий.

Скульптура Л. Баранова «Воспоминание о Первой Конной». Приостановлено мгновение... Слились в едином порыве и бег коней, и сабель взмах, и полыхание знамен. Одно мгновение, но в нем столь сильный эмоциональный заряд, что легендарное время буденновских конниц,

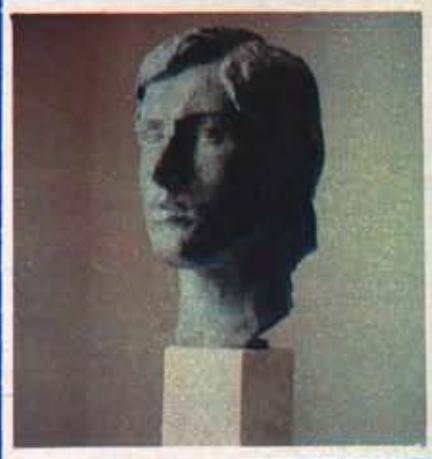
из которого взят этот миг, воссоздается со всей полнотой и ясностью в нашем воображении.

Изображая революционное прошлое нашей страны, художники используют различные жанры. Вот картина В. Обедкова «На площади Петрограда». Мы словно попадаем в послереволюционный пролетарский город и в толпе рабочих смотрим на театрализованное представление, поставленное первыми комсомольцами. И радуемся со всеми, когда взвивается ввысь красный всадник на красном коне, как символ новой, только

что завоеванной жизни — прекрасной в своем настоящем и будущем.

И вот оно, будущее — то, о чем мечтали комсомольцы 20-х годов: гигантские стройки, молодые города, воодушевленные и счастливые лица.

Московский скульптор Александр Цигаль встретил своих героев на БАМе. «Геодезисты» — так называется скульптурная группа Александра. Выразительны лица парней, и, кажется, проследи за их взглядом — увидишь, как новые города заселяют замечательные люди, одухотворенные созидательным трудом

**И. НОВИКОВ.
ПОРТРЕТ УЧАЩЕГОСЯ ПТУ
МОНТАЖНИКА СВЯЗИ
А. ОРДЫНЦЕВА.**

АЛЬБИ ЦВЕТ ДЕГЕНДЫ

**М. ОМЫШ-КУЗНЕЦОВ.
ГЕОМЕТРИЯ СЕВЕРА.**

**Ю. КАРАСЕВ.
СТРОЙОТРЯД. ПЕРЕРЫВ.**

своим, привлекательные красотой бытия своего.

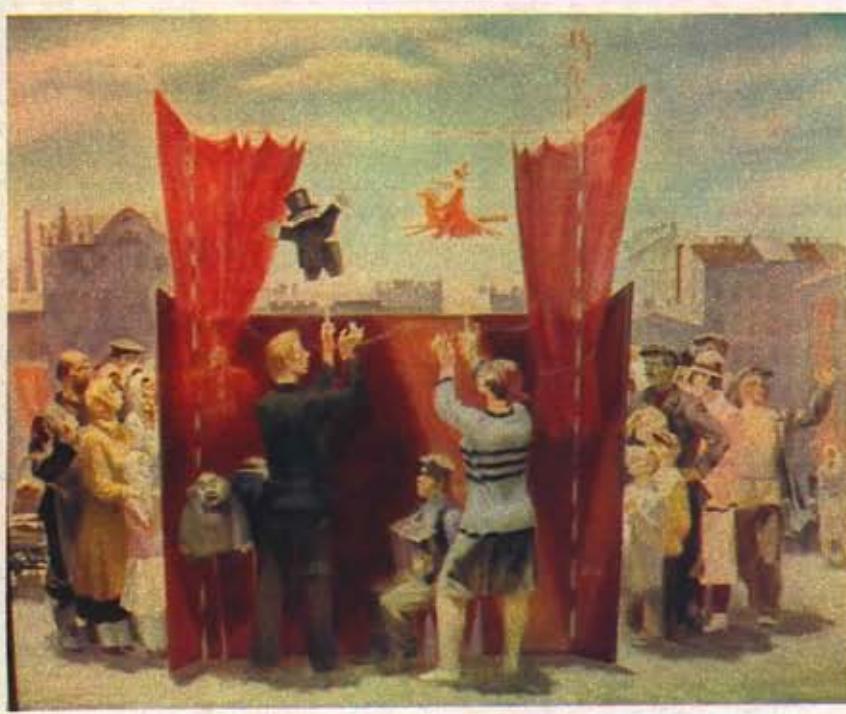
Повседневность трудового подвига молодости — в картинах М. Омбыш-Кузнецова из Новосибирска, О. Сильчанова из Казани, А. Копошина из Сыктывкара, москвича А. Аламова и многих других.

Картина художника из Пензы Ю. Карабасева «Стройотряд. Переход». Горы золотого зерна и рядом ребята, обсуждающие производственные дела. Невольно отмечаешь сплоченность, радость общения, которое испытывают студенты на трудовом семестре.

А дальше — картина-мечта, картина-размышление. «Хочешь знать, что такое мир на земле?» — словно спрашивает художник, лауреат премии Ленинского комсомола Я. Крыжевский. И видишь на полотне: марево, отраженное в сливающейся с небом реке, холмы с заснеженными вершинами, размытые очертания островов, синь в вышине. Изображение спокойной и ласковой природы становится поэтическим символом мира.

Молодые глазами молодых — так можно охарактеризовать выставку. Человек, его благородный разум, духовная щедрость, его труд, любовь к земле, его радость — вот что предстает перед нами в работах молодых художников России.

Марина МОСКВИНА

В. ОБЕДКОВ. НА ПЛОЩАДИ ПЕТРОГРАДА.

